

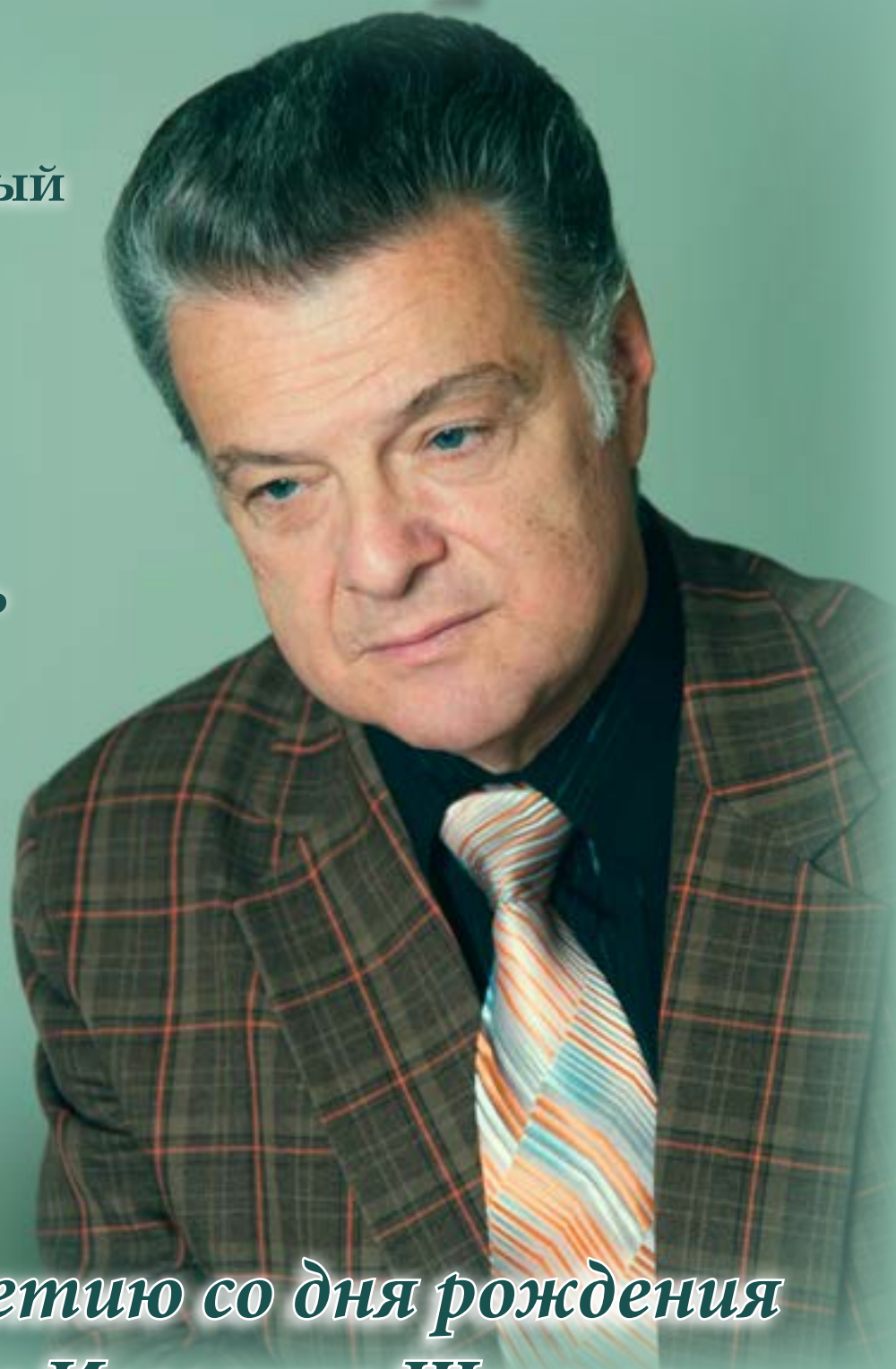


Журнал Саратовской государственной
консерватории имени Л.В. Собинова

Камертон

Специальный
выпуск
№150

ФЕВРАЛЬ
2026



*К 80-летию со дня рождения
Льва Исаевича Шугома*

3	ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ НАРОДНОГО АРТИСТА РОССИИ, ПРОФЕССОРА ЛЬВА ИСАЕВИЧА ШУТОМА	
5	О ЛЬВЕ ИСАЕВИЧЕ ШУТОМЕ	<i>Александр Занорин</i>
6	ВСПОМИНАЯ МАСТЕРА...	<i>Нелли Владимировна</i>
7	ПОИСТИНЕ БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ	<i>Александр Демченко</i>
15	ЛЕВ ШУТОМ – УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК	<i>Татьяна Кан</i>
18	ПАМЯТИ ДОРОГОГО ДРУГА Л.И. ШУТОМА	<i>Вера Носина</i>
19	ПАМЯТИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА ШУТОМА ЛЬВА ИСАЕВИЧА	<i>Татьяна Петренко</i>
21	НАРОДНЫЙ АРТИСТ (К 80-ЛЕТИЮ ЛЬВА ШУТОМА)	<i>Сергей Вартаков</i>
23	ВСПОМИНАЯ ДОРОГОГО КОЛЛЕГУ	<i>Александр Рыкель</i>
26	КОНЦЕРТЫ ЛЬВА ШУТОМА. ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА КУЛИС	<i>Эвелина Зорина</i>
26	ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ	<i>Людмила Сябренко</i>
34	ПИСЬМО УЧИТЕЛЮ	<i>Марианна Новопавловская</i>
35	О ЛЬВЕ ШУТОМЕ	<i>Анатолий Несолёнов</i>
36	СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ!	<i>Алла Фёдорова-Елисеева</i>
37	К ЮБИЛЕЮ УЧИТЕЛЯ!	<i>Юлия Литвиненко</i>
41	ПАМЯТЬ СЕРДЦА	<i>Жанна Назарьянц</i>
42	РЫЦАРЬ РОЯЛЯ: ЛЕВ ИСАЕВИЧ ШУТОМ	<i>Татьяна Сафонова</i>
44	НАВСЕГДА В МОЁМ СЕРДЦЕ...	<i>Алла Долженко</i>
45	ПАМЯТИ ЛЬВА ИСАЕВИЧА	<i>Арина Лобанова</i>
46	В ПАМЯТЬ О МОЕМ УЧИТЕЛЕ, ПРОФЕССОРЕ ЛЬВЕ ИСАЕВИЧЕ ШУТОМЕ	<i>Екатерина Фетисова</i>
46	КАМЕРТОН ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ	<i>Елена Маисталова</i>
47	ОБРАЗ ЛЬВА ИСАЕВИЧА ШУТОМА, КАКИМ Я ЕГО ПОМНЮ	<i>Татьяна Чубарова</i>
49	ЛЮБИМОМУ УЧИТЕЛЮ	<i>Наталья Козлова</i>
50	КОДЕКС ЧЕСТИ ЛЬВА ШУТОМА	<i>Мария Садритдинова</i>
52	УРОКИ, КОТОРЫЕ ЗВУЧАТ В СЕРДЦЕ: ПАМЯТИ МОЕГО УЧИТЕЛЯ ЛЬВА ИСАЕВИЧА ШУТОМ	<i>Любовь Моисеева</i>
54	ЛЕВ ШУТОМ. ЧЕЛОВЕК-КАМЕРТОН	<i>Юлия Кохова</i>
56	ТРИ СЛОВА ОБ УЧИТЕЛЕ	<i>Ольга Шкрыгунова</i>

ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ НАРОДНОГО АРТИСТА РОССИИ, ПРОФЕССОРА ЛЬВА ИСАЕВИЧА ШУГОМА



Л.И. Шугом

Лев Исаевич Шугом родился 8 марта 1946 года в Саратове. Выпускник Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова по классу С.С. Бендицкого и ассистентуры-стажировки ГМПИ им. Гнесиных (Российской академии музыки имени Гнесиных) по классу А.Л. Иохелеса. Проходил обучение на факультете повышения квалификации в Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского в классе народного артиста СССР, профессора Л.Н. Власенко.

Вся творческая деятельность Л.И. Шугома прошла в Саратовской консерватории, где он проработал 50 лет — с 1967 по 2017 годы. С 1987 по 1991 годы заведовал кафедрой специального фортепиано. С 1992 по 1997 годы возглавлял фортепианный отдел Академии для одарённых детей и юношества при Саратовской консерватории.

В 1982 году Лев Исаевич получил учёное звание доцента, в 1989 — почётное звание «Заслуженный артист Российской Федерации», в 1995 году ему было присвоено учёное звание профессора. Высокий исполнительский и педагогический авторитет, значительные результаты в

творческой деятельности послужили основанием для присуждения в 2006 году Льву Исаевичу Шугому почётного звания «Народный артист Российской Федерации».

Л.И. Шугом — музыкант высокой квалификации, обладающий всесторонней музыкальной эрудицией и высоким уровнем профессиональной и педагогической культуры. Им подготовлено свыше 80 специалистов, успешно работающих в России и за рубежом. Среди его учеников кандидаты наук, доценты, заслуженные работники культуры РФ, лауреаты и дипломанты международных и всероссийских музыкальных конкурсов и фестивалей.

Педагогическую работу Лев Исаевич успешно сочетал с интенсивной исполнительской деятельностью. Самобытный и тонкий музыкант, владевший чрезвычайно обширным и разнообразным репертуаром, обладавший уникальной работоспособностью, он много и успешно выступал в разных городах и странах. География гастрольных поездок пианиста включала в себя практически все крупные регионы России: Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Крым, Кавказ, а также ближнее (Беларусь, Украина) и дальнее зарубежье (Германия, Нидерланды, Греция, Австрия, Италия, Кипр, Финляндия, Португалия, США, Испания).

Лев Исаевич выступал с более чем 40 видными отечественными и зарубежными дирижёрами, среди которых: народная артистка СССР В. Дударова, народный артист РФ и Казахстана Ф. Мансуров, народные артисты России Р. Мартынов, В. Понькин, А. Милейковский, Ю. Кочнев, М. Аннамамедов, Г. Проваторов, В. Синайский, Э. Серов, Линь Тао, заслуженный деятель искусств РФ А. Фельдман, а также У. Шнайдер (Швейцария), Д. Вермюлен (Нидерланды), М. Кнелль (Германия), Д. Каферис (Греция), В. Жордания (США), Г. Адамс (Испания). Как ансамблист и концертмейстер Л.И. Шугом выступал с известными отечественными и зарубежными солистами: В. Демидовым, Т. Сандлер, Л. Сметанниковым (Саратов), М. Миглау (Большой театр, Москва), А. Цыганковым (Москва), М. Янковичем и И. Грубертом (Голландия), Д. Шварцберг (Австрия) и др.

Репертуар Льва Шугома включает в себя сложнейшие произведения мировой фортепианной

литературы. К наиболее значительным исполнительским работам саратовского пианиста относится целая серия сольных монографических концертов, посвящённых творчеству Л. Бетховена, Р. Шумана, Ф. Шопена, Ф. Листа, М. Глинки, П. Чайковского, С. Рахманинова. Подобная циклизация программ позволяла Льву Шугому создавать объемное и яркое представление о творчестве выдающихся композиторов. В сезоне 1988/1989 им были исполнены четыре фортепианных концерта и Рапсодия на тему Паганини С. Рахманинова совместно с академическим симфоническим оркестром Саратовской областной филармонии имени А.Г. Шнитке (дирижёр М. Аннамамедов); сезон 1992/1993 — цикл из шести сольных концертов «Избранные фортепианные произведения»; сезон 2000/2001 — цикл из пяти концертов «Русская фортепианная и камерная музыка». В 1999 году памяти Э.Г. Гилельса был посвящен цикл из четырёх концертов.

В 1995 году Л.И. Шугом стал организатором и художественным руководителем Открытого фестиваля, посвящённого 90-летию со дня рождения основоположника саратовской пианистической школы — профессора С.С. Бендицкого.

Признанием высокого авторитета Л.И. Шугома являлось постоянное приглашение в жюри многочисленных региональных, всероссийских и международных конкурсов и фестивалей. Он работал в жюри таких престижных конкурсов, как Всероссийский музыкальный конкурс, Всероссийский конкурс пианистов имени С.С. Бендицкого (Саратов), Международный конкурс пианистов имени В. Горовица (Киев), Международный конкурс пианистов имени Ф. Шопена (Москва), Всероссийский конкурс пианистов имени В.И. Сафонова (Пятигорск), а также во многих других конкурсах в России и за рубежом.

Имя Льва Исаевича Шугома внесено в Энциклопедию Саратовского края (раздел «Культура»), Энциклопедию «Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова. 1912 — 2012».

Среди многочисленных наград, полученных Л.И. Шугомом за последние годы: Орден «Почёт и слава» героя энциклопедии «Лучшие люди России» (2011); Орден «За вклад в науку» I степени в области культуры и искусства (2012); Памятная медаль и Грамота Президента России В.В. Путина (2014); Нагрудный знак Министерства культуры Российской Федерации «За вклад в российскую культуру» (2016).

С 2008 по 2016 годы Лев Исаевич занимал пост ректора Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова. Годы его руководства были отмечены масштабными культурными и творческими проектами, среди которых ярчайшим событием стало празднование осенью 2012 года 100-летнего юбилея консерватории.

В этот знаменательный год Лев Исаевич Шугом открыл в консерватории новое структурное подразделение — Детскую музыкальную школу для одарённых детей. Безусловно, это было мудрым решением Л.И. Шугома — музыканта и руководителя, и факт создания школы именно в год столетнего юбилея навсегда вошел в славную летопись Саратовской консерватории.

Открытие школы, полная реконструкция помещения на первом этаже исторического здания консерватории, материально-техническое оборудование и кадровое обеспечение, привлечение дополнительных внебюджетных средств в больших объёмах в период становления школы — всё это было сделано под руководством и при личном активном участии Льва Исаевича.

Уже в первые годы существования школы Л.И. Шугом учредил два конкурса, которые проводятся с 2015 года и вызывают огромный интерес музыкальной общественности по сей день. Это Открытый конкурс исследовательских работ учащихся детских школ искусств «Саратовская консерватория глазами детей» и Открытый детский музыкальный Интернет-конкурс «Весна открытий», жюри которого возглавлял сам Л.И. Шугом.

С 2014 года и до конца своей жизни Лев Исаевич являлся консультантом учащихся школы, присутствовал на всех экзаменах, прослушиваниях, академических концертах.

В 2017 году Детской музыкальной школе для одарённых детей при Саратовской консерватории присвоено имя народного артиста Российской Федерации, профессора Льва Исаевича Шугома.

О ЛЬВЕ ИСАЕВИЧЕ ШУГОМЕ

Лев Исаевич Шугом — личность высочайшего масштаба: общественный деятель, ректор консерватории, организатор и, конечно же, выдающийся пианист.

Как ректор Лев Исаевич сделал очень многое для развития консерватории. Благодаря его воле и энергии была открыта Музыкальная школа для одаренных детей — проект, в который он вложил все свои силы и душу. Как исполнитель — он выдающийся воспитанник С.С. Бендицкого, вобравший в себя все самое лучшее.

Лев Исаевич — уникальный человек и пианист, сумевший создать свою яркую исполнительскую школу. Он много и очень успешно выступал с концертами в разных городах нашей страны и за рубежом. Свидетельством его исполнительского таланта были аншлаги на выступлениях, публика очень любила Льва Исаевича. Немногие способны столько отдавать времени занятиям на фортепиано, как он.

Хочется отметить масштаб личности этого человека во всех делах, за которые он брался, которые он осуществлял. В его работе всегда проявлялся необыкновенный организационный талант, концентрация на достижении цели, продуманность её достижения. И это приводило к высоким результатам. Всё, что он задумывал, что он проектировал — он осуществлял.

Отмечу одно из важных качеств характера Льва Исаевича — это требовательность. Требовательность прежде всего к себе. Он никогда не опаздывал, всегда выполнял запланированное в срок. Но он был требовательным и к другим. В его контактах с коллегами всегда было все совершенно четко: никаких полутонов, никаких

полумер. Ясные задачи, ясные пути и ясная позиция. Конечно, некоторые люди воспринимали это несколько болезненно, но его позиция была ясна. Таков был характер этого человека.

Он был требовательным по отношению к студентам. Я был очевидцем того, как он отчитывал студента только за то, как тот выходит на сцену. Лев Исаевич очень трепетно относился к сцене, к Большому залу консерватории, вообще к концертной деятельности. И считал, что любой музыкант, выходя на сцену, с первых мгновений программирует успех своего выступления: то, как он выходит, как он одет, как он себя ведёт на сцене... всё это было очень важно для него. Во всём ему была свойственна исполнительская культура. Это отражалось и на внешности: всегда был очень аккуратный, «с иголочки одет», следил за собой и очень был во всём опрятен.

И ещё одно важное качество характера, которое я видел в нем во время нашей совместной работы — это доверие к коллегам. Как руководитель консерватории он ставил задачу перед исполнителем и предоставлял возможность проявить себя, не контролируя его в деталях. Главное — достижение результата.

Наверное, можно было бы многое ещё рассказать о Льве Исаевиче, его жизненной выдержанности, строгости, принципиальности, но при этом внимательности к людям и служению Музыке и Саратовской консерватории.

Занорин Александр Германович
Ректор Саратовской государственной
консерватории имени Л.В. Собинова



*Выступление с симфоническим оркестром Саратовской консерватории.
Прокофьев. Концерт №1*

ВСПОМИНАЯ МАСТЕРА...

Вмоих довольно частых воспоминаниях о Льве Исаевиче Шугоме возникает многогранный образ выдающегося Мастера.

Яркая личность, музыкант редкой одарённости, неповторимого артистического обаяния, Лев Исаевич, наряду с Альбертом Михайловичем Таракановым и Анатолием Александровичем Скрипаем, входил в число саратовских корифеев фортепианного искусства.

Концерты Льва Исаевича Шугома неизменно становились яркими событиями в жизни города, вызывали живой отклик публики. Его исполнительской манере были присущи филигранная техника, богатейшая тембровая палитра и особая одухотворённость, которая моментально, с первых звуков его игры охватывала зал, и погружала всех и каждого в мир возвышенных чувств и переживаний. Эти «монологи» пианиста были то сокровенными высказываниями, то ярко патетичными воззваниями, но всегда были обращены к душе слушателя. Их эмоциональное воздействие было колоссальным, нередко сравнимо с катарсисом.

Административная деятельность Льва Исаевича Шугома являла коллегам иную сторону личности: собранность, деловитость, умение мыслить масштабно, по-государственному. Пребывание Шугома в должности ректора Саратовской консерватории было весьма результативным. Ему удалось создать баланс в сохранении исторических традиций нашей консерватории и активном развитии в соответствии требованиям современных тенденций в образовании.

Манера общения с коллегами всегда была деловой, заинтересованной. Лев Исаевич уважал мнение собеседника, внимательно его выслушивал и принимал ответственные, взвешенные решения по административным вопросам.

Основное внимание Лев Исаевич как ректор уделял творческой деятельности студентов и педагогов, справедливо считая, что для консерватории это главный показатель успешной деятельности. Он искренне радовался победам в конкурсах, проведению фестивалей, наполненности концертных залов.

Главным достижением деятельности Шугома-ректора является открытие музыкальной школы для одарённых детей, которая теперь носит его имя. А славу Шугома-педагога разносят его многочисленные ученики, продолжающие сегодня дело выдающегося Музыканта.

Во Льве Исаевиче гармонично сочетались истинная интеллигентность и благородство, жизненная мудрость и человеческая чуткость, невероятное трудолюбие и чувство долга, неустанное творческое горение и одухотворённость.

Владимирицева Нелли Николаевна

Учёный секретарь Учёного совета,
зав. кафедрой хорового дирижирования,
профессор, заслуженный работник
высшей школы РФ



Торжественное заседание, посвящённое 100-летию Саратовской консерватории.
Л.А. Лицова, А.И. Кати, Л.А. Сметанников, Л.И. Шугом, В.П. Ломако, А.А. Скрипай

ПОИСТИНЕ БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ!

Лев Шугом! Когда звучит это имя, то прежде всего вспоминаешь, что ещё на заре артистической карьеры за ним утвердилась репутация музыканта с технически безупречным пианистическим аппаратом. В западной прессе его часто именовали «русским виртуозом», подчёркивая при этом, что он «*выделяется наивысшей виртуозностью, способной покорить любого слушателя*» и что для него характерна «*высочайшая концентрация пианистического мастерства*».

Оснований для подобных эпитетов было более чем достаточно — ресурсами фортепианного исполнительства Лев Шугом владел свободно, во всей полноте: филигранно отделанный «бисер» мелкой техники и воспроизведение на рояле оркестральной звучности, ослепительные каскады октав и аккордов, любые градации динамики и головокружительные темпы, причём с сохранением остро отточенного штриха и предельной чёткости артикуляции. Особый блеск его манере придавали чрезвычайно насыщенный, словно спрессованный, «львиный» мазок, великолепная токкатно-репетиционная моторика и серебристое летучее *staccato*.

Добавим к этому отшлифованность и стабильность исполнения, безотказную память и поистине железную исполнительскую выдержку. Вот почему, когда приходилось слушать игру Шугома, создавалось впечатление, что пианистических трудностей для него просто не существует.

При этом очень важно, что безупречное техническое мастерство не являлось для Шугома

самоценным, оно всегда подчинялось решению художественных задач.

Содержательную наполненность его игры хорошо почувствовал рецензент одной из немецких газет Ш. Райхле: «*В трактовке произведений Бетховена, Шопена, Листа, Чайковского, Рахманинова Лев Шугом сумел всецело подчинить свою безупречную технику выражению содержательно-смысловой стороны этих произведений. При всей неотразимой виртуозности доминировали идея и образ*».

Примерно в тех же тонах выдержан отзыв и другой зарубежной газеты: «*Приходилось постоянно поражаться тому, какого виртуозного размаха и какого сильного выражения чувств достигает пианист*».

Виртуозность Л. Шугома — это прежде всего излучение мощных энергий, их захватывающий ритм и неудержимый напор. За полнотой сил, динамизмом и острым двигательным нервом стояло нечто большее: активное действие, мужественное отношение к миру, воля к преодолению жизненных препятствий. Не потому ли так созвучны натуре этого пианиста были героика и драматизм бетховенской музыки?

В отношении ослепительной виртуозности в её соотношении с бурной энергетикой совершенно показательными можно считать финал Второго концерта Сен-Санса и прокофьевское «Наваждение». В первом случае Шугом демонстрировал поистине вулканический темперамент, воссоздавая иллюзию мчащегося на всех парах локомотива. Во втором из названных опусов определения «шквал», «цунами» поч-



2012 г. Юбилейный концерт к 100-летию СГК имени Л.В. Собинова.
Большой зал Московской консерватории

ти переставали быть метафорами, поскольку джинн избыточной энергии с её демоническими обертонами выплёскивался ошеломляющей и всё сметающей экспансивностью.

Подвластны были Шугому и любые другие ипостаси пианистического «атлетизма». Допустим, в Сонате *h-moll* Листа не мог не потрясти титанизм борений и ораторских провозглашений, а в первой части Третьего концерта Рахманинова исполинская мощь фортепианной каденции в исполнении Шугома перекрывала кульминацию с участием оркестра и, таким образом, становилась высшим пунктом драматургии этого произведения.

Совершенно иная ипостась его виртуозности была связана с яркой красочностью и мастерством колористики. Иногда это представляло чарующим волшебством, завораживающей звукописью, когда пианист буквально чародействовал, колдовал над клавиатурой. Но чаще это выливалось в жемчужные россыпи пассажей, в фейерверк нарядных, праздничных цветовых мазков или в вакханалию звуковой роскоши, в настоящее буйство красок, как, например, в восточной фантазии Балакирева «Исламей» или в испанской программе Шугома (произведения Альбениса и Гранадоса с добавлением «Испанской рапсодии» Листа).

Примечательно и ещё одно — это умение артиста как бы театрализовать музыку, придать ей зрелищность, почти зримую выразительность, вскрывая в том или ином произведении интригующий сюжет, подчёркивая изобразительные моменты, обостряя дразнящую игру контрастов. Чтобы убедиться в сказанном, достаточно было услышать «Картинки с выставки» Мусоргского и Три фрагмента из балета «Петрушка» Стравинского.

Что же прибавилось со временем к феноменальной виртуозности Льва Шугома? Те, кто следил за его эволюцией, в один голос ответят: прежде всего, лиризм и притом лиризм проникновеннейший.

В связи с этим любопытно привести мнение коллеги пианиста, профессора кафедры специального фортепиано Саратовской консерватории А.Д. Киреевой: «На первый взгляд кажется даже несколько противостественным, что у атлетически, по-спортивному сложенного человека так красиво и благородно звучит рояль, такое глубокое нежное *piano* и мощное *forte*, лишённое малейшего намёка на жёсткость или форсирование».

Очевидно, для многих так и осталось загадкой, как эти стальные пальцы могли добиваться певучести тона, тонкости и бархатной мягкости, а в необходимых случаях и хрупкости звучания. Вслушиваясь в столь бережное, исключительно деликатное прикосновение к клавиатуре, казалось недостаточным говорить только о красоте и поэзии. Особую притягательность воссоздаваемому лирическому чувству придавала возвышающая его аура чистоты и целомудрия.

Именно тогда со всей осязаемостью было ощутимо, как «дышит» у него звуковая ткань, с какой гибкостью и трепетностью интонируется фраза, что наполняет музыку живой жизнью. Те, кому приходилось слышать в исполнении Шугома такие жемчужины его репертуара, как «Песня без слов» *fis-moll* (op.30, № 6) Мендельсона и «Октябрь» из «Времен года» Чайковского, могут понять, о чём идёт речь.

Только что сказанное выступало у Шугома в добром согласии с отмеченной выше мощной и блистательной энергетикой. Одно из ярких подтверждений тому — Первый концерт



Концерт в рамках Одиннадцатого российского фестиваля им. Г.Г. Нейгауза
Солисты Лев Шугом, Анатолий Кати, Альберт Тараканов, Анатолий Скрипай



После концерта. А.А. Скрипай, А.И. Кати, А.М. Тараканов, Л.И. Шугом

Прокофьева. Неудержимый напор деятельных преодолений с их чрезвычайной целеустремлённостью и тонкий, бережно пестуемый лиризм середины, где внутренне поддерживалась волевая хватка, что обеспечивало звуковой конструкции-мозаике единый образный стержень. В целом, это музыкальное половодье воистину олицетворяло бальмонтовское *«Молодость и музыка в расцвете!»*

По мере своего творческого восхождения Л. Шугом всё больше утверждался как серьёзный, глубоко мыслящий художник. Внешне это со всей отчётливостью сказывалось в присущей ему масштабности устремлений. Он явно тяготел к крупным звуковым полотнам, насыщенным большими идеями.

Среди таких полотен были представлены и наиболее монументальные в сольной фортепианной литературе концепции — к примеру, Соната *h-moll* Листа или Большая соната Чайковского, требующие от исполнителя исключительного размаха и незаурядной способности к охвату труднообозримых музыкальных пространств.

Вдобавок к этому пианист предельно укрупнял масштаб своих замыслов. Трудно даже просто перечислить осуществлённые им исполнительские мультипрограммы. Это могли быть мемориалы — «Фестиваль памяти С.С. Бендицкого» и «Вечера памяти Э.Г. Гилельса». Это могли быть монографические серии, посвящённые творчеству Бетховена, Шумана, Шопена, Листа, Чайковского, Рахманинова (включая исполнение всех рахманиновских композиций для фортепиано с оркестром). Из более поздних работ — цикл «Русская фортепианная и камерная музыка», в котором вместе с музыкантами филармонии и оперного театра пианист выстроил обширную панораму жанров и композиторских имён.



Концерт с симфоническим оркестром СГК, дирижёр Мартин Кнелль (Германия), солист Лев Шугом

Венцом столь укрупнённых замыслов, а заодно и своего рода рекордом творческой интенсивности стал сыгранный им сериал «Избранные фортепианные произведения» из шести сольных концертов, проведённых с жёстко выдержанным интервалом в три дня между выступлениями.

Разумеется, каждый вечер проходил со своей программой, составленной из сложнейших произведений мирового репертуара и со своими «бисами» — кстати, знаменитые «бисы» Шугома лишний раз демонстрировали неиссякаемый запас его сил и возможностей.

То было поистине море музыки, причём сыгранной на уровне высшей исполнительской планки. Надо ли говорить, какой только физической выносливости требовало это испытание на прочность! И поскольку от начала до конца во всём были блеск и отточенность, естественно, что подобное исполнение приобрело статус легенды. В истории пианизма это можно отнести к категории настоящих творческих подвигов.

Что касается более глубинных качеств, то при всей яркой эмоциональности исполнения Л. Шугома внимательный слух без труда мог уловить сопутствующий ей контроль интеллекта. Благодаря этому поддерживались благотворное равновесие мысли и чувства, твёрдая логика и выверенность в построении формы, чёткость и ясность в создании общей интерпретаторской концепции.

Одним из самых значительных достижений этого музыканта являлось то, как он медитировал за роялем. Когда в его исполнении звучали, к примеру, медленные части Восьмой и Двадцать третьей сонат Бетховена, возникал особый эффект вознесения — настолько покоряла красота одухотворённой мысли и величавость сосредоточенно-углублённых раздумий.

Услышав подобное, невольно хотелось воскликнуть, перефразируя цветаевскую строку: «Откуда такая мудрость?». Ответ мог быть только один — от большой художественной интуиции, от чуткости к тому, что заложено в глубинах произведений искусства.

Постепенно, в ходе творческой эволюции Льва Шугома отчётливо обозначилась ещё одна коренная черта его исполнительства. Речь идёт не просто о присущем ему безукоризненном чувстве стиля, а о том, что в лучших своих работах он создавал, как представляется, эталонное прочтение соответствующих произведений, своего рода художественный стандарт, всецело отвечающий объективной сущности данного композиторского почерка. Именно так воспринимался в его трактовке целый перечень произведений, принадлежащих классикам фортепианной музыки.

Для этого мало было даже абсолютно корректного отношения к тексту, точного выполнения всех штрихов и ремарок. Требовалось нечто большее, неуловимое, а именно — полное проникновение в дух исполняемой музыки, адекватность интерпретации авторскому замыслу.

В этом, как и во многом другом (включая даже черты внешнего сходства и манеру держаться за роялем), виделась близость пианиста художественным устремлениям Эмиля Григорьевича Гилельса, который для Шугома являлся «верховным божеством» на Олимпе фортепианного исполнительства.

Вот мнение на сей счёт, принадлежащее А. Штольбергу, обозревателю немецкой *«Neue Zeitung»*: «Если говорить об исполнении Льва Шугома, то здесь применима любая превосходная степень, так как очень редко удаётся переживать счастливые случаи, подобные тому, который выпал нам в этот вечер — полное слияние сути произведения и его интерпретации».

И становятся понятными единодушные отклики западной прессы по поводу конкретных исполнительских работ пианиста, например, о трактовке Седьмой сонаты Прокофьева: «*Казалось, Прокофьев создал свою сонату именно для этого исполнителя, настолько убедительно и впечатляюще раскрыл Лев Шугом настроение каждой части произведения*».

Или приведём высказывание в адрес «Испанской рапсодии» Листа: «*Драматургия произведения была выстроена Л. Шугомом настолько логично, а кульминационные моменты*

прозвучали настолько ошеломляюще, что приходится говорить об искусстве пианиста, ничем не уступающем искусству композиции самого Ф. Листа».

В самом деле, если звучал Моцарт, то в исполнении Шугома это были чистота, незамутнёность, кристальная прозрачность звучания, непринуждённость и элегантность туше, одновременно живость и строгость, беззаботность и серьёзность. Если исполнялся Шуман, то на первый план выходила прихотливость фантазии, импульсивность высказывания, своенравные перебивы настроений и спонтанность образных переключений. Лист — это патетика напряжённых осмыслений и ораторских провозглашений, сочетание святости и демонизма, импозантной роскоши в грандиозных апофеозах и утончённости сугубо интимных излияний.

Отдельного разговора заслуживал «его» Бетховен. Для иллюстрации эталонности вкратце остановимся на самых популярных сонатах великого композитора — Восьмой и Четырнадцатой.

Первую из них Шугом исполнительски реализовал именно как «Патетическую». В первой части это передавалось через исключительное по своему накалу внутреннее напряжение, выливающееся наружу в великолепно выстроенной цепи всплеск яростного жизненного противоборства.

Сменяющие их недолгие погружения в медитативность были овеяны столь же сильным пафосом духовного напряжения. Принимая эстафету этих погружений, вторая часть переключала действие в плоскость величаво-спокойной созерцательности. Однако при всей кажущейся статичности, пианист давал почувствовать здесь глубины айсберга жизненной драмы.

Финал, как известно, представляет для многих исполнителей существенную проблему — как эту более лёгкую и игровую часть привести к единому целому с предыдущими? Шугом отвечал на данный вопрос следующим образом: без какого-либо насилия над материалом, он изнутри насыщал музыку серьёзностью, в том числе как бы «догружая» фактуру и по максимуму акцентируя все фрагменты патетической окрашенности, что особенно ощутимо в завершении сонаты.

Переходя к Четырнадцатой, отметим прежде всего общее, в высшей степени убеждающее драматургическое решение: от внешнего спокойствия, почти отрешённости с чертами



Открытие II Всероссийского конкурса
им. С.С. Бендицкого



Жюри Всероссийского конкурса юных пианистов
в г. Волгодонске И. Бендицкий, Л. Шугом,
А. Скавронский, А. Севидов, А. Диев

лирической исповедальности через следующий затем оазис изящной игривости, которая поддерживает характерный для предыдущей части модус внутренней нежности и теплоты к главному для Бетховена — пламя жизненных схваток как определяющее поле самоосуществления его героя.

Непрерывность разворачивающегося процесса базировалась в том числе и на приёме слияния частей. Вторая вводилась через кратчайшую цезуру, а финал взрывался резким переключением посредством приёма *attacca*.

Артистическая деятельность Льва Шугома в последнее десятилетие его жизни в известной мере осложнялась тем, что он пребывал в положении ректора Саратовской консерватории. Не приходится говорить о том, сколько забот и проблем он возложил на себя этим. Особенно, если учесть его высочайшую ответственность по отношению ко всему, за что он брался. Поддерживать в таких условиях форму можно было только чудом.

И это чудо происходило на наших глазах. Выступления Шугома оставались блистательными и, кроме того, в них всё отчётливее проступали черты особой художнической мудрости, которая так явственно заявила о себе в концепционном мышлении пианиста в последние годы.

Сказывалась эта мудрость и в драматургическом мастерстве, насколько такое понятие приложимо к исполнительскому искусству. Неизменное удовлетворение вызывал искусный подбор концертных программ, продуманность их компоновки и адресованности конкретному времени и месту. Ещё более впечатляло эмоционально-архитектоническое воплощение того или иного шедевра.

Скажем, в интерпретации Третьего концерта Рахманинова поражал пространственный размах, в реализации которого улавливались признаки монтажной драматургии. Грандиозное музыкальное полотно выстраивалось на сопряжении множества контрастных планов: «близкие» и «далёкие», статика и динамика, выпуклые детали и широкие звуковые панорамы — это не говоря уже о мириадах чисто образных сопоставлений.

Если бы понадобилось обозначить творческий облик Л. Шугома в нескольких лаконичных штрихах, то это, пожалуй, могло бы выглядеть следующим образом.

В своём исполнительстве он утверждал полноту и многогранность жизнеощущения. Его герой — человек активного действия, натура динамичная и волевая. Но вместе с тем он и глубокий мыслитель, и нежнейший лирик. Ему знакома драматическая экспрессия бытия, ведомы и трагические отсветы, но безусловной опорой всегда оставались мужество и нестигаемость духа, позволяющие поддерживать утверждающую ноту.

И ещё для него превыше всего были цельность и ясность, равновесие *ratio* и *emotio*, одухотворённость и благородная простота, то есть то, что определяется понятием «классичность». Стоит заметить, что одной из составляющих этого понятия является и внешняя манера держаться за инструмент. Он был по-настоящему красив за роялем: строгость, сдержанность, сосредоточенность как признаки высокой академичности с её благородством и одухотворённостью.

Таким было художественное кредо этого пианиста. И для того, чтобы овесть его,

требовался профессионализм самой высочайшей пробы, нужны были незаурядная культура звука, универсальная пианистическая палитра. Всем этим Лев Шугом, несомненно, располагал.

Немалую часть творческой жизни этого музыканта занимала педагогика. Преподавать он начал ещё в студенческие годы. Спустя время это уже был профессор с большим классом специального фортепиано. Среди его учеников — лауреаты различных престижных конкурсов. Выпускники его класса работают не только в России, но и во многих странах ближнего и дальнего зарубежья.

Однако вернёмся к личности Льва Шугома как концертирующего пианиста. Природа одарила его щедро. В том числе дала ему и дар концертанта, что подразумевает целый комплекс соответствующих качеств.

Предельно кратко сказал об этом народный артист СССР композитор А. Эшпай: *«Исполнительский облик Л. Шугома отличают яркий артистизм, незаурядная виртуозность, способность захватить аудиторию, исполнительская воля и подлинный темперамент — словом, талант».*

Дар Шугома как концертанта ярко сказывался и в том исключительном творческом наслаждении, которое испытывал он, играя с симфоническими оркестрами. В этих случаях пианист выказывал себя прекрасным партнёром, о чём красноречиво свидетельствовали его выступления с такими дирижёрами, как Г. Проваторов, В. Дударова, Ф. Мансуров, В. Синайский, А. Гуляницкий, М. Кнелль (Германия), Е. Вермюлен (Голландия).

Показателен отзыв одного из них — народного артиста Эстонии Р. Матсова: *«Каждая творческая встреча с Л. Шугом приносила мне большое художественное удовлетворение. Это превосходный, тонкий музыкант широчайшего исполнительского диапазона, глубокой, всесторонней культуры. Он свободно владел стилем исполнения произведений композиторов разных эпох и направлений».*

И очень характерна приведённая зарубежным рецензентом реакция одного из коллективов Германии: *«Оркестранты были увлечены музицированием с этим пианистом настолько, что в конце их восторг не знал границ».*

Артистические маршруты Льва Шугома пролегали по всей России (Поволжье, Кавказ, Урал, Сибирь, Дальний Восток и т.д.) и постоянно выходили за её пределы (к слову, в самые последние годы он гастролировал в США, Германии и Испании).

Притягательность его выступлений объяснялась тем, что он был способен не только захватить аудиторию, но и вызвать художественное потрясение. Поэтому так много «восклицательных знаков» появлялось в прессе после его очередных гастролей. Ограничимся несколькими выдержками из западноевропейских источников.

«Südkurier»: *«Выступление пианиста Льва Шугома оказалось событием необыкновенным. Заполненный до отказа зал с нетерпением ждал гостя из России. В тот день серия субботних концертов, несомненно, пережила свой апогей. Это было грандиозное фортепианное исполнение,*



которое превзошло самые смелые ожидания».

А. Шенфельд, директор Европейского центра научных фортепианных исследований, профессор Консерватории (Нидерланды): *«Пианист из России дал мне возможность испытать громадное удовольствие. У меня вообще особое отношение к этой стране и к её пианистической школе. Никакой другой народ не дал миру такого числа великоленных пианистов и композиторов, которые писали для фортепиано. И я с удовлетворением должен отметить, что высшей точкой нынешнего фестиваля стал концерт Льва Шугома, который исполнял русскую программу. Это стало сенсацией. Реакция слушателей была восторженной, что вполне закономерно, так как играл он блестяще, с невероятной отдачей, страстно и динамично».*

Х. Мендл-Шрама, музыкальный критик (Великобритания): *«Четыре десятилетия назад я испытала шоковое состояние, когда впервые услышала игру Святослава Рихтера. И вот сейчас мне довелось пережить второй шок — на этот раз от исполнения Льва Шугома. Такие состояния — величайшая редкость и величайшее счастье».*

Зарубежные газеты не скупилась на броские заголовки: *«Пианист Лев Шугом электризует публику», «Русский пианист-звезда играет Моцарта», «Концерт из множества бриллиантов» ...*

«Помилуйте, возможно ли такое?!» — воскликнет кто-либо из столичных читателей. Ведь музыкант жил и работал в локусе, за которым когда-то утвердилось грибоедовское «в деревню, в глушь, в Саратов». Чтобы разрешить сомнения, требовалось только одно: услышать этого пианиста, который до самых последних дней жизни находился в пике творческой зрелости.

Одним из памятных свидетельств тому стали юбилейные концерты Льва Шугома, которые вылились в подлинный триумф, сопровождаемый нескончаемыми овациями. Открыла тот недельный марафон программа, посвящённая 100-летию Эмиля Гилельса и составленная из произведений Бетховена. Как великолепные «хиты» прозвучали Восьмая и Двадцать третья сонаты, а во втором отделении Тройной концерт (скрипка — народный артист России Геннадий Кузьмин, виолончель — лауреат Международных конкурсов Оксана Юдина).

Затем последовали выступления студентов и выпускников класса Л.И. Шугома, лауреатов различных престижных конкурсов. Их достижения, продемонстрированные в Большом зале

консерватории, легко объяснимы качествами их педагога: непререкаемый авторитет крупного музыканта, имеющего всесторонний исполнительский опыт, его исключительная деликатность, доброжелательность и, наконец, огромное личное обаяние.

Завершилась та юбилейная неделя программой из произведений Листа: после Сонета Петrarки № 47 прозвучала Соната *h-moll*, а во втором отделении — Концерт № 1 *Es-dur*. На прощание артист подарил залу в качестве «бисов» Венгерскую рапсодию № 11 и Этюд № 10 *f-moll*.

В те вечера мы вновь стали свидетелями всестороннего мастерства этого чародея рояля, и в свои семьдесят сохранявшего неувядаемой блистательную форму. Творческая харизма Льва Шугома по-прежнему была настолько впечатляюще, что побуждала многих говорить о титанизме его артистической личности.

В заключение остаётся только повторить заголовки этих заметок: Лев Шугом был для нас всегда и во всём поистине блистательный!

Демченко Александр Иванович
доктор искусствоведения, профессор,
главный научный сотрудник и руководитель
«Международного Центра комплексных
художественных исследований»,
заслуженный деятель искусств России



На вечере выпускников.
Л.И. Шугом, А.А. Скрипай



Л.И. Шугом, А.А. Скрипай



Л.И. Шугом, А.М. Тараканов



Концерт в Саратовской филармонии
им. А.Г. Шнитке



Л.И. Шугом, А. Цыганков



Л.И. Шугом с Л.А. Сметанниковым и военным оркестром

ЛЕВ ШУГОМ — УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Творческая жизнь Льва Исаевича Шугома — яркая страница в истории Саратовской консерватории. Не каждому воспитаннику Alma mater посчастливилось пройти свой путь так последовательно, «по восходящей», в профессиональном и в общественно-административном плане. Как пианисту — от студента до Народного артиста России, как педагогу — от ассистента до профессора, как руководителю — от заведования кафедрой специального фортепиано до должности ректора Третьей консерватории России.

Мне довелось быть свидетелем этой прекрасной профессиональной жизни от школьных дней, пройдя рядом со Львом Исаевичем весь его путь в очень разнообразных академических взаимосвязях. Сначала это были годы ученичества в классе профессора Семёна Соломоновича Бендицкого, воспитавшего в нас чувство музыкального братства, послужившего важнейшей основой полувекового сотрудничества уже в статусе педагогов кафедры специального фортепиано, созданной нашим учителем из своих воспитанников.

Однажды самым удивительным образом наши дружеские отношения преобразовались в новую форму — «учитель и ученик». Именно с лёгкой руки С.С. Бендицкого, заботившегося о всестороннем становлении своих «детей-пианистов», студент Лёва Шугом вместе со своей юной супругой — альтисткой Маей Вааповой

— неожиданно оказался в моём консерваторском классе камерного ансамбля. Спустя годы Лев Исаевич стал заведовать кафедрой специального фортепиано, то есть руководил своими собратями по классу профессора С.С. Бендицкого, в том числе и старшими, что снова изменило наш коллегиальный стиль общения. Заключительный период восхождения — уже в должности ректора вуза — позволил Льву Исаевичу Шугому реализовать все свои лидерские качества как пианиста и как музыканта, верно следовавшего просветительским традициям Alma mater, успевшему блестяще организовать Фестиваль «Саратов — Москва — Саратов» к 100-летию Саратовской консерватории.

Исполнительская деятельность Льва Шугома многократно отражена в книгах и статьях о нём. Творческий портрет профессора Льва Исаевича впервые предстаёт в воспоминаниях его учеников, разных по возрасту, но единых в своём искреннем потоке благодарной памяти, любви, восхищения своим учителем, по-отечески заботившемся о каждом из своих юных питомцев. У меня есть редкая возможность эскизно дополнить портрет дорогого коллеги в двух ракурсах — «учитель» и «ученик». Дистанция времени как нельзя лучше оправдывает известный афоризм: «Не суди о педагоге по тому, как играют его ученики сегодня, а суди по тому, как они будут играть 15 лет спустя». За долгие годы нашей совместной работы на кафедре специального фортепиано я часто слушала студентов Льва Исаевича на экзаменах и в открытых концертах, а позднее — в их новом, повзрослевшем во всех смыслах обличье в Большом зале консерватории. Им всем была присуща унаследованная от профессора Шугома смелость, артистическая выносливость, прекрасная пианистическая форма.

Ещё один, я бы сказала «ансамблевый ракурс», придавал моему восприятию педагогической работы Льва Исаевича особый взгляд. Подобно тому, как Семён Соломонович когда-то настоял на том, чтобы Лёва поступил в мой камерный класс, продолжая эту «семейную академическую традицию», Лев Исаевич бдительно следил за воспитанием своих студентов в едином родственном профессиональном русле. Моими студентами в камерном и концертмейстерском классах по его рекомендации стали



Т.И. Кан, Л.И. Шугом

Елена Машталова, Ольга Шкрыгунова, Наталья Ковалик, Юлия Бабкина, Ольга Донник, Мария Садритдинова, Любовь Моисеева, Динара Конгурова, Дарья Горохова, Евгения Мищерина. Многих не назвала. Не скрою, за их выступлениями и дальнейшей судьбой я всегда следила с особым интересом, зная изнутри по ансамблевому репертуару их потенциальные возможности, радуясь заметному росту, инициативе и предприимчивости в организации своей послевузовской профессиональной жизни. И всегда узнавала во многих успешных поворотах судьбы прочно унаследованный ими пример Учителя.

Добавлю, что с воспитанниками Льва Исаевича мне всегда было работать легко, радостно, по-родственному тепло. Это было особое доверительное взаимопонимание, подготовленное нашим общим с Львом Исаевичем «генеалогическим древом», многолетним ансамблевым партнёрством — педагогическим и пианистическим. Все студенты Льва Исаевича отличались безупречной дисциплиной, собранностью, чувством ответственности, всегда буквально «рвались» на сцену, всегда любили учиться. Тем самым напоминали мне главные черты студента Лёвы Шугома, определившие его достойный будущий путь.

О том, каким замечательным учеником был Лев Шугом, следовало бы написать отдельное эссе. Признаюсь, я всегда внутренне относилась к своим педагогическим обязанностям, как к процессу взаимного музыкального диалога со студентами. В классе профессора С.С. Бендицкого существовала реальная педагогическая практика. Мы все играли друг другу по предложению Учителя или по собственной инициативе. Более строгих ревностных критиков в нашей юности не существовало. Уважение к мнению музыкального собрата — курсом младшего или старшего — было незыблемым. Присутствие в классе Семёна Соломоновича на его уроках с любым учеником — от школьника до дипломника вуза — было невероятно познавательным. Это была восходящая к атмосфере московского класса Г.Г. Нейгауза традиция, ускорявшая наше становление как музыкантов, как будущих исполнителей и педагогов. В этом видится залог такого в своём роде уникального явления, как возникновение в Саратовской консерватории кафедры специального фортепиано, полностью представленной академической семьёй профессора С.С. Бендицкого. Мы, его ученики, начинали свой вузовский педагогический путь буквально сразу после госэкзаменов, а некоторые даже на выпускном курсе.



Л.И. Шугом с С.С. Бендицким

Многим казалось удивительным, что в моём камерном классе уже в первые два года работы оказались студенты профессора С.С. Бендицкого — Н. Бендицкий, А. Скрипай, А. Левковский, Л. Шугом. Тогда для меня это было естественным продолжением нашего дружеского общения, как бы «педпрактикой юных лет». Мы, конечно, оставались привычно «на ты», но разница в возрасте (мне 25, им несколько меньше) ничуть не повлияла на наше подлинно творческое, ответственное и доверительное общение.

Лев Шугом проявил стратегический дар построения своей творческой судьбы сразу. В выборе партнёров по ансамблю и регламента репетиций с ними, в неукоснительной дисциплине и собранности на занятиях в классе. Всегда с благодарностью вспоминаю то удовольствие, которое испытывала в работе с Лёвой и его ансамблевыми друзьями: мгновенная реализация предложенной мысли, характера движения, фразировки, динамической ретуши. Всё воспринималось им любознательно и спокойно.

Но в игре на сцене всегда чувствовалась его собственная исполнительская воля, а не безропотное подчинение. Это редкое в наши дни умение прислушиваться к мнению других музыкантов, будь то коллеги или студенты, Лев Исаевич сохранил навсегда. Высшей точкой нашего дружеского тандема «учитель — ученик» стала подготовка к Всероссийскому конкурсу студенческих камерных ансамблей в Москве. Он состоялся в апреле 1967 г. в Концертном зале Института имени Гнесиных. В жюри, возглавляемом выдающимся ансамблистом А. Готлибом, работали известнейшие музыканты, профессора Ленинградской, Горьковской, Казанской, Свердловской консерваторий и «Гнесинки».

В то время это было первое в истории ансамблевого жанра состязание всероссийского масштаба, участие в котором требовало самого высокого уровня подготовки. Исполнительский уровень, в особенности ленинградских студентов, был выше всех похвал. Саратовская консерватория в разных номинациях была представлена несколькими составами. В этой поистине напряжённой конкурентной ситуации по-настоящему проявились бойцовские качества и основательный профессионализм Льва Шугома и его партнёров по Фортепианному трио — скрипача Владимира Макушкина и виолончелиста Михаила Щербакова. Они успешно прошли оба тура, участвовали в заключительном концерте конкурса. В истории Саратовской консерватории, в истории кафедры камерного ансамбля они стали первыми Дипломантами Всероссийского конкурса. Для меня это осталось до слёз незабываемым событием, придавшим моей дальнейшей педагогической работе важный импульс. В декабре 1967 года состоялось ещё одно важное выступление — на Всероссийском фестивале студентов музыкальных вузов в Ленинградской консерватории. Дипломник Лев Шугом, студенты второго курса Михаил Буянер (скрипка) и Михаил Щербаков (виолончель) успешно играли две части Фортепианного трио Шостаковича в концерте Саратовской консерватории.

Не менее значимым событием стало исполнение на Государственном экзамене дипломниками Маей Вааповой, Львом Шугомом и второкурсником Михаилом Буянером Фортепианного трио Брамса Ми-бемоль мажор. Это было настолько прекрасно по красоте звучания и музыкальной зрелости, что я не постеснялась рекомендовать молодых артистов для участия в документальном фильме Саратовского телевидения о Радищевском музее (1968 г.).

Вся последующая жизнь моих дорогих первых камерных студентов подтвердила их творческий потенциал. Мая Ваапова долгие годы была концертмейстером группы альтов Симфонического оркестра Саратовской филармонии, а также преподавала в Саратовском музыкальном училище. Скрипач Михаил Буянер, заслуженный артист РФ, был концертмейстером Красноярского симфонического оркестра (главный дирижёр — И. Шпиллер). Владимир Макушкин — доцент кафедры камерного ансамбля Саратовской консерватории, неутомимый ансамблист. Михаил Щербаков стал народным артистом России, профессором. Он заведует струнной кафедрой Ростовской консерватории имени С.В. Рахманинова, является многолетним концертмейстером группы виолончелей Ростовского филармонического оркестра. Лев Шугом также сохранил верность ансамблевому репертуару до последних концертных программ.

Благодаря замечательной инициативе дочери — Татьяны Зиминой — и воспоминаниям учеников разных лет, педагогическая линия жизни Льва Исаевича Шугома придаёт его творческому портрету убедительную цельность и полноту.

Педагогическая судьба изменчива, но главным её подарком навсегда остаётся духовная связь с молодыми музыкантами, в общении с которыми мы совершенствуем себя, подчас меняясь ролями в прекрасном союзе «Учитель и Ученик».

Кан Татьяна Иосифовна

Профессор,

Заслуженная артистка России,

профессор Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова



С. Вартанов, Л. Иванов, А. Киреева, А. Скрипай, Л. Шугом, В. Лесенко, С. Сагияни, В. Леонова, Л. Сагияни, Т. Сандлер, А. Черфас

ПАМЯТИ ДОРОГОГО ДРУГА Л.И. ШУГОМА



Лев Исаевич Шугом появился в классе профессора Александра Львовича Иохелеса в 1970 году как ассистент-стажёр. С первых встреч он произвёл большое впечатление: серьёзный, интеллигентный, собранный. Он обладал атлетическим сложением, уверенной походкой. Внутренняя зрелость и концентрация на деле выделяли его из студенческого окружения. Всё было сосредоточено на большой работе для достижения высоких результатов.

При этом его открытое дружеское общение и светлый юмор очень привлекали людей. Я также попала под обаяние Лёвы, его милую манеру тепло и приветливо улыбаться. Не скрою — элегантность одежды, красивое сочетание тонов костюма, забота о безупречном внешнем виде подчёркивали его интеллигентность и отличный вкус. Такие внешние проявления были выражением харизмы и самоуважения.

Александр Львович Иохелес как-то по-особенному разговаривал и занимался с Лёвой: с большим вниманием они обсуждали репертуар, драматургию, текстовые особенности, звучание. Он очень тепло относился к Лёве как к яркому таланту, великолепному музыканту и пианисту, замечательному человеку.

Мы неоднократно встречались с Львом Исаевичем на творческих программах объединения «Искусство и образование XXI века» в разных странах Европы. В Саратове мы встретились в 2014 — 2015 годах. Лев Исаевич, будучи ректором, пригласил меня как председателя Государственной экзаменационной комиссии в Саратовскую государственную консерваторию им. Л.В. Собинова. Для меня это была большая радость — встретить дорогого друга и однокашника, великолепного артиста и педагога.

Во время этого мероприятия со мной произошла неприятность — разболелся зуб. Я вспоминаю этот момент как ещё одну черту характера Лёвы — несмотря на отказы лечиться Лев Исаевич стремительно отвез меня в клинику, провёл там со мной все положенное время и затем также стремительно вернул в консерваторию на экзамен. Он спас меня с удивительной заботой и виртуозностью!

Чудесная встреча позже, в 2016 году, была у нас с Лёвусшкой в Краснодаре на Международном конкурсе пианистов имени М.А. Балакирева в качестве жюри. Лёва был в хорошем состоянии, как всегда безупречно одет — с прекрасным вкусом и гармонично подобранными аксессуарами. Упругая походка, лёгкий шаг, спокойная приветливость, весёлый юмор — ничто не могло предвещать внезапного ухода из жизни.

Спасибо Тебе, Лев Исаевич, за Твой талант и безграничную преданность Великой Музыке!

Носина Вера Борисовна

заслуженный деятель искусств

Российской Федерации,

заслуженный деятель культуры Киргизии,

профессор кафедры специального фортепиано

Российской академии музыки им. Гнесиных,

профессор кафедры фортепианного искусства

Московского государственного

института музыки

им. А.Г. Шнитке

ПАМЯТИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА ШУГОМА ЛЬВА ИСАЕВИЧА

Творческий и педагогический дар Льва Исаевича известны среди музыкантов. Когда Лев Исаевич играл на сцене, то перед нами был яркий исполнитель-виртуоз, невероятно энергичный и темпераментный, мужественный, сильный и бережный одновременно, всегда элегантно, безупречно со вкусом одетый, высокопрофессиональный, элитарный и демократичный, красивый человек и музыкант.

Я знала Льва Исаевича в течение нескольких десятков лет. Мы встречались с ним в жюри международных конкурсов, когда ездили с программами творческого объединения «Искусство и образование XXI века», созданного профессором Элеонорой Сергеевной Ткач и профессором Верой Борисовной Носиной. Это творческое объединение организовывало и проводило множество музыкально-педагогических форумов и фестивалей в разных странах мира, и мне посчастливилось быть в команде постоянных участников и организаторов этих интересных музыкальных событий. Лев Исаевич много раз приезжал с концертами и мастер-классами на такие программы, где всегда был профессиональной поддержкой преподавателям и молодым музыкантам-исполнителям.

В Ворзеле в Доме творчества композиторов на «Школе мастерства» мне посчастливилось быть на незабываемых для меня встречах и концертах, где Лев Исаевич — продолжатель лучших традиций русской пианистической школы и, прежде всего, любимого учителя Александра Львовича Йохелеса, — поражал виртуозным владением инструментом, блистательным пианизмом, захватывал мощной игрой и погружением в музыку.

Петренко Татьяна Ивановна

Профессор, заведующий кафедрой

«Фортепиано»

военного института (военных дирижеров)

Военного университета

имени князя Александра Невского МО РФ

член Городского экспертного совета

Департамента культуры г. Москвы



Л.И. Шугом, Т.И. Петренко, А.Г. Скавронский, г. Ворзель 2004

НАРОДНЫЙ АРТИСТ (К 80-ЛЕТИЮ ЛЬВА ШУГОМА)



В этом году Льву Шугому (1946 — 2017), замечательному пианисту, профессору, Народному артисту РФ, ректору Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова (2008 — 2016) могло бы исполниться 80 лет. Спустя годы его вклад в музыкальную жизнь Саратова, в фортепианную культуру России оценивается ещё более масштабно. Успешно функционирует, набирает высоту музыкальная школа при консерватории, созданная во многом благодаря пробивной энергии Льва Исаевича, ныне носящая его имя, а её выпускники продолжают учёбу в лучших вузах страны, в том числе и в нашей консерватории. После ремонта и многолетней паузы в работе был вновь открыт Театральный зал. На период ректорства Л.И. Шугома пришлось празднование 100-летия Саратовской консерватории, отмеченное выездом в Москву оркестра и солистов для отчётного концерта в Большом Зале Консерватории им. П.И. Чайковского. Авторитет Л.И. Шугома в столице в немалой степени способствовал обновлению парка инструментов в консерватории: в Большом зале появился новый концертный рояль *Steinway*, в фортепианных классах стало возможным заниматься на роялях известных фирм.

Народный артист: какой смысл мы вкладываем в эти слова? Вспомним отечественную классику: «Артист поднял смычок и — всё мгновенно смолкло. Заколебавшаяся толпа слилась опять в одно неподвижное тело. Потекли другие звуки, величавые, торжественные; от этих звуков спина слушателя выпрямлялась, голова поднималась, нос вздёргивался выше: они пробуждали в сердце гордость, рождали мечты о славе. Оркестр начал глухо вторить, как будто отдалённый гул толпы, как народная молва...» (Гончаров И.А., «Обыкновенная история», 1847). Очевидно, это понятие включает нечто, парящее выше, чем просто одарённость инструменталиста или вокалиста — оно подразумевает мощный темперамент артиста, высокую энергетику его коммуникативного посыла публике.

Призвание. Далеко не сразу Шугом почувствовал, что музыка и рояль — дело всей его жизни. Он рассказывал мне, что в юные годы его гораздо более, нежели фортепианная игра, привлекала автомобильная техника: мотоциклы, машины. Когда же Шугом осознал свою призванность, то его отношение к музыке принципиально изменилось: его страстная натура нашла выход в рыцарственном служении профессии. Я помню, как ежедневно, на протяжении многих лет он ходил в консерваторию к шести часам утра, чтобы перед работой со студентами три часа позаниматься самому. Только так он мог готовить всё новые программы и держать обширный накопленный репертуар, обновляя его к предстоящим гастролям.

«Сотвори себе кумира!» Гилельс. Рыцарь в своём служении обыкновенно выбирает себе идеал для подражания и устремляется за путеводной звездой, пусть даже и недостижимой, но единственной. Шугому всегда везло на учителей — таких признанных педагогов-мастеров, как Семён Бендицкий в Саратове, Александр Иохелес в ассистентуре Института им. Гнесиных в Москве, Лев Власенко, руководитель стажировки в Московской консерватории. Лев Шугом избирает себе в кумиры, в духовные наставники Эмиля Гилельса. В течение 20 лет Шугом ежегодно проводил в Саратовской консерватории фестивали памяти великого пианиста. Мне остаётся только сожалеть, что я не успел подробно поговорить со Львом Исаевичем на эту тему: мне известно, что Шугом с восхищением



слушал концерты Гилельса в Саратове и в Москве, огромный фотопортрет пианиста в золотой раме украшал его ректорский кабинет, а позже переехал в наш кафедральный класс.

Очевидно, в «равнении» на Гилельса Шугома вел принцип «Избирательного сродства»: в этом названии своего романа Гёте заложил метафору — подобно тому, как в сочетаниях химических веществ одним элементом отдается предпочтение перед другими, в сфере человеческих отношений действуют законы притяжения или отталкивания. Это в высшей степени естественно и для исполнителей: каждый избирает систему ценностей сообразно своему внутреннему устройству. В книге Соломона Волкова «Диалоги с Владимиром Спиваковым» я встретил признание: дирижер-мэтр Евгений Светланов говорит скрипачу Владимиру Спивакову, постигающему азы дирижирования: «Ты знаешь, мне кажется, что в меня переселился дух Рахманинова». Вначале меня резанула гордыня этих слов, позже я понял — это не завышенное самомнение, а осознание исполнителем своего генотипа и рыцарственное служение своему идеалу. В этом есть нечто физиологическое: у человека может быть лишь одна из четырех групп крови. Если этот принцип нарушить, то при переливании крови наступит отторжение, гемолитический шок. Шугом не говорил мне таких слов: «Мне кажется, что в меня переселился дух Гилельса!», но мы ощущаем типологическое сходство и систему ценностей, которых придерживался Гилельс и которым следует Шугом. Прежде всего, они вытекают из требований отечественной школы, которая «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез». Музыкант не

должен поддаваться рутине, он знает, что «часто мастерство плетет заговор против души» — и заново добывается живого дыхания в исполнении.

Репертуар. При всем разнообразии и широте в его основе такие «киты» фортепианного искусства, как Бетховен, Чайковский, Рахманинов (все концерты), Прокофьев — они же наиболее полно представлены в концертных программах. В этом репертуаре проявилась мужественная виртуозность искусства, рассчитанного на большие залы, высокий тонус энергии, ошеломляющий ритмический напор. Отсюда же и масштабность мышления: в центре внимания артиста, прежде всего, лепка крупных планов формы.

Бетховен. «Исполнение: теория относительности музыкального произведения». Известно множество принципиально непохожих интерпретаций Бетховена: драматических, философских, лирических. Это также естественно, как, например, разные образы морской стихии у художников-маринистов: К. Лоррен и К. Хокусай, И. Айвазовский и У. Тёрнер, К. Моне и М. Волошин. Пианисты типа Гилельса подчеркивают классические черты стиля Бетховена, им свойственна полнокровная красочность в духе живописи реалистов, стройность архитектоники, соразмерность целого и деталей. Даже малые формы у них воспринимаются подчас, как сколки музыкальных глыб. Исполнители этого типа в своих интерпретациях сочинений не стремятся к соперничеству с автором, к утрированному личностному прочтению. Они предпочитают лепку крупных форм, ощущение монолита, пронизанного единым сквозным движением, которое держит на себе конструкцию.

В активном репертуаре Льва Шугома было более десяти сонат мастера, несколько концертов, в том числе и Тройной — для скрипки, виолончели и фортепиано с оркестром. В последние годы Шугом исполнял сонаты Бетховена, с которыми прожил на сцене целую жизнь в новом качестве: его игра приобрела высокую органичность, человечность интонирования, мудрость темпов (подвижно, но не торопливо) и какую-то новую теплоту в отношении к миру. Артист вышел на уровень, объемлющий полноту жизни, как у Гёте: «радость — страданье одно».

Пластика звукоизвлечения. Для этого типа пианистов характерно любовное отношение к инструменту: забота о пластике, благородстве и красоте звучания рояля во всех градациях динамики, умение найти и пропеть мелодию во всех линиях фортепианной партитуры. Они поддерживают двигательный аппарат в идеальном порядке, непрерывно обновляют свои огромные ресурсы, ставят их на службу музыке и возвышают ремесло до уровня искусства. Сосредоточенность на качестве исполнения сообщает таким артистам харизму и власть над аудиторией. Блестящий пианизм подразумевает

неослабное внимание к качеству произношения звука — технология идет рука об руку со смысловым наполнением музыки.

Искусство Льва Шугома заслуживает специального исследования. Быть может эти краткие наброски портрета пианиста в настоящей статье послужат материалом для будущих изысканий.

В заключении хочется вспомнить добрым словом атмосферу энтузиазма и творческого соперничества пианистов Саратовской консерватории, которая в немалой степени способствовала становлению Льва Шугома. Как поётся в замечательной песне нашей молодости:

Ничто на Земле не проходит бесследно,
И юность ушедшая все же бессмертна.
Как молоды мы были,
Как молоды мы были,
Как искренне любили,
Как верили в себя!

Вартанов Сергей Яковлевич

доктор искусствоведения,
профессор кафедры специального фортепиано
Саратовской государственной консерватории
имени Л.В. Собинова



Кафедра специального фортепиано, заведующий А.А. Скрипай. Сидят: Н.М. Смирнова, Т.И. Кан, А.А. Скрипай, А.Д. Киреева; стоят: С.Я. Вартанов, А.Е. Рыкель, Н.С. Бендицкий, О.В. Одинцов, Л.И. Шугом. Фотография начала 1980-х годов для стенда социалистического соревнования, в котором наша кафедра неизменно получала высшие места. Основным конкурентом обычно выступала кафедра специального фортепиано, заведующий А.М. Тараканов. На ней работали: А.И. Кати, В.Е. Ханецкий, А.Н. Чередниченко, М.Л. Христиансен, Л. И. Канторовский, О.В. Миронова, Ю.М. Чебуков.

ВСПОМИНАЯ ДОРОГОГО КОЛЛЕГУ

Глядя на нас, Наташа Смирнова улыбалась: «Вы часто напоминаете мне одну известную рекламу “Мы такие разные и всё-таки мы вместе!”» Мы это сами знали, но тем не менее долгие годы Льва Исаевича и меня связывали очень тесные творческие и человеческие узы, ведь наш фортепианный дуэт существовал без малого 30 лет. Притягиваются по правилу магнита противоположности или прав был древнегреческий философ, утверждавший: «Подобное стремится к подобному»? Я бы ответил так: «Трудно быть близким с совсем не похожим на тебя человеком, но, если эту трудность преодолеть, сие существенно обогащает обоих». Могу сказать без колебаний, что счастливое время совместной концертной деятельности со старшим коллегой существенно расширило лично мой музыкантский и человеческий кругозор.

Во-первых, я познакомился со многими гениальными творениями как бы «изнутри» — разумеется, я и раньше знал Ре-мажорную сонату Моцарта для двух фортепиано или «Симфонические танцы» Рахманинова, но одно дело слушать, а другое — играть это самому. Никогда не забуду потрясения от темы второй части «Симфонических танцев» — одной из лучших тем, какие вообще когда-либо были созданы. А неукротимая энергия и блеск первой части моцартовской сонаты!..

Ансамблевое музицирование — великая настройка слуха на мелкие детали, которые в сольном исполнении порою ускользают. Это прежде всего касается не первой, а как раз второй партии: партнёр играет тему, а ты — сопровождение. В этот момент вдруг радостно улавливаешь все гармонические красоты, скрытые голоса и... осеняет: «Почему же, когда я играю соло, то прохожу мимо?» (правда, здесь иногда звучало: «Саша, ну... тема всё-таки у меня»)

Во-вторых, выступая со Львом Исаевичем, я впервые в жизни надел на себя фрак (в прямом и переносном смысле слова). Мне до этого ещё никогда не доводилось жить жизнью концертного исполнителя — города, вокзалы, гостиницы и чёткий график выступлений. И масса всяческих впечатлений — чаще приятных! Одним из самых дорогих дорожных впечатлений для меня были долгие беседы под стук колёс. Беседы без конкретной темы, но обо всём на свете. В этом общении передо мной без позы, без тени высокомерия предстал человек простой и сложный одновременно. Сложный в силу гипертрофированной требовательности к себе и к окружающим, в силу очень принципиального (кто-то скажет — прямолинейного) созидания жизни «по своему образу и подобию» и, наконец, в силу убеждений, неизменных несмотря на то, что стремительно менялась сама



Фортепианный дуэт Лев Шугом - Александр Рыкель



действительность. Но на другой чаше весов всегда лежали поистине золотые гири (не надо вспоминать «Золотого телёнка»!): абсолютная верность близким людям, истинное мужество и гранитная цельность натуры. Он явно был из числа людей, о которых говорят: «Я бы пошёл с ним в разведку!» А как с партнёром по ансамблю с ним было легко и просто! Как ни странно, никакой авторитарности — уважение и интерес к мнению партнёра в сочетании с исключительной тактичностью в высказывании собственных соображений. Не потому ли, что правда в жизни казалась ему более однозначной, чем правда в искусстве?..

Каким мне виделся Шугом-пианист? О Льве Исаевиче писали много и говорили часто, и первое, что отмечалось — виртуозность высочайшего плана. Да, это так, но я свидетельствую, что свой могучий пианизм он шлифовал неустанно, не жалея ни времени, ни сил. Это было истовое служение инструменту. Когда начал существовать наш дуэт, у Лёвы уже начались проблемы с правой рукой (сустав второго пальца) — он мог играть только, надев на палец узкую повязку. Я шутил: «Это чёрный пояс карате!» Увы, моему партнёру было не до шуток. Когда Лёва начинал разыгрываться, то у меня сжималось сердце — первые пять минут рука еле играла. Но через двадцать минут было намного лучше, а через

сорок (именно столько времени он всегда уделял процессу разыгрывания) — дефект становился незаметен. Приехав в город вечером, я отправлялся в гостиницу отдыхать, а мой неугомонный партнёр шёл в ближайшую музшколу заниматься часа на два. Он так себя приучил.

По своим музыкальным пристрастиям Лев Исаевич был поборником традиций нашей исполнительской школы и более всего обожаемого им Э.Г. Гилельса. В нём он находил не только музыкальный, но и человеческий идеал артиста. Не случайно, став ректором консерватории, он сразу повесил напротив своего ректорского кресла большой портрет Эмиля Григорьевича. Это была близость по духу и характеру, даже внешне между ними имелось определённое сходство. Любовь эта проявлялась не только на словах, но и, как всегда, на деле: фестивали, посвящённые великому пианисту, были дважды организованы и проведены Л. И. Шугом на самом достойном уровне.

Он был ярок и талантлив во многих проявлениях. Воля и самодисциплина проявлялась в любви к восточным единоборствам; искромётный юмор являл себя в знаменитых консерваторских капустниках и в застольях, где Лев царил безраздельно в роли бессменного тамады. А ещё он обожал ротвейлеров как воплощение абсолютной верности. И автомобили как воплощение мощи и скорости. Вот таким мне запомнился этот человек, оставивший глубокий след в наших душах. Я искренне рад тому, что имя его увековечено в названии школы при консерватории, созданной его поистине титаническими усилиями. Мы помним и любим тебя, наш дорогой простой и сложный Лёва!

Рыкель Александр Ефимович

*Профессор кафедры специального фортепиано
Саратовской государственной консерватории
имени Л.В. Собинова*



Афиша последнего концерта
Л.И. Шугома. 22 марта 2017 г.

КОНЦЕРТЫ ЛЬВА ШУГОМА. ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА КУЛИС



Л.И. Шугом

Как однажды очень точно сказал в одном из интервью Анатолий Александрович Скрипай: «Саратовская консерватория — это не строение с узнаваемой архитектурой, не учебные планы и не строка в дипломе, а выдающиеся личности, чьи имена первыми ассоциируются с консерваторией в любой точке мира; это музыканты — создатели исполнительских школ и уникальные интерпретаторы, увлекающие полные залы слушателей». Среди главных поколенческих фигур консерватории имя Льва Шугома — одно из знаковых, легендарных, веховых.

Формироваться в юности под влиянием больших личностей, слышать их выступления, искать различия в исполнительской манере, вслушиваться в тембровые нюансы в звучании инструмента, спорить об артистическом темперементе выдающихся музыкантов, обсуждать с однокурсниками и педагогами концертные программы в исполнении народных и заслуженных артистов — всё это яркие воспоминания юности и огромное богатство, хранимое стенами консерватории, ещё не перешагнувшей в те годы свой вековой юбилей.

Уже сама сопричастность студентов к искусству, носителями которого были музыканты такой величины, заставляла с особой ответственностью и повышенной требовательностью относиться к своей профессии. А возможность заглянуть за кулисы, увидеть, как готовится к сольному концерту, узнать, как тщательно про-

думывает и выстраивает программу народный артист — бесценный опыт. Мне такая возможность выпала еще в студенческие годы, и вплоть до последнего концерта Льва Шугома мне посчастливилось не раз выходить на сцену Большого зала консерватории в роли ведущей.

Поначалу в «подсмотренных» за кулисами деталях удивляла верность продуманному до мельчайших нюансов своеобразному ритуалу, предшествовавшему каждому выходу на сцену. Разыгрываясь перед концертом, Лев Исаевич никогда не играл то, что входило в программу вечера. Мало кто замечал тонкую деталь — в антракте пианист обязательно менял рубашку и галстук-бабочку. Музыканта всегда сопровождали в артистической небольшая пластиковая бутылочка с водой, неизменный гребень для волос и часы, чтобы внимательно следить за секундной стрелкой, когда вступительное слово в начале концерта произносила коллега по кафедре, в прошлом педагог по классу камерного ансамбля, бесконечно уважаемая им профессор, заслуженная артистка Татьяна Иосифовна Кан. Он был очень строг относительно хронометража вступительного слова — если речь занимала больше условленного времени, стоя с часами в руках, народный артист смотрел строго из-за кулис и подавал тревожные знаки порой увлеченней слушателей историческими параллелями Татьяне Иосифовне.

Первое впечатление некоторой суеверности и ритуальности закулисной части сольного выступления народного артиста быстро сменилось осознанием истинных причин соблюдения деталей подготовки к каждому концерту. Выход на сцену Большого зала консерватории для Льва Шугома, как и для многих музыкантов его поколения, был сопряжен с чувством высочайшей ответственности — и перед сценой, и перед публикой. В этот зал выходили в разные годы Рахманинов, Рихтер, Собинов, Нейгауз, Вирсаладзе, Ростропович, Кнушевицкий, Цыганов — и многие другие легендарные музыканты, а с барельефов по обе стороны зала смотрели великие русские и немецкие композиторы. И это чувство ответственности было неразрывно связано со строжайшей внутренней дисциплиной. Никогда даже многократно игранные произведения музыкант не выносил на большую сцену, не пройдя через детальное обсуждение программы

с коллегами на кафедре и серию выступлений на выездных концертах в городе и области.

Не меньшее уважение музыкант проявлял к своим слушателям. Не могу говорить обо всех концертах, но в тот период, когда Лев Исаевич занимал пост ректора, он играл в родной консерватории бесплатно. Желающих попасть на концерт всегда было много, его выступления были важным событием в культурной жизни города. На последних концертах не хватало мест в Большом зале для слушателей, и дополнительные места было решено разместить в фойе — ограничить вход в Большой зал было невозможно для музыканта.

С большой тщательностью Лев Шугом формировал программы своих концертов. Владея огромным репертуаром, в котором особое место занимала музыка Бетховена, Шопена, Листа, Чайковского, Рахманинова, Прокофьева, Гранадоса и Альбениса, он всегда компоновал программу, детально рассчитывая эмоциональный и тональный план. В основе концерта мог лежать принцип контраста — когда, к примеру, первому классическому отделению, составленному из сочинений Моцарта и Бетховена, противопоставлялось темпераментное второе из музыки испанских композиторов. Или вечер мог представлять ретроспективу сонатных циклов от классики до советского XX века, сопоставляемых по принципу образного контраста.

Исполнительская режиссура концертных выступлений была особым искусством, которым музыкант мастерски владел. Переходы между произведениями, моменты ухода со сцены, объединение отдельных пьес в блоки по тональному или образному принципу — эти детали всегда продумывались заранее и не были случайны. Порой программа корректировалась в последнюю

неделю перед концертом, или даже в последние дни, когда могла измениться продолжительность блоков пьес, между которыми музыкант уходил за кулисы, артист мог решить, что иная компоновка миниатюр будет более логичной с точки зрения тональных переходов между произведениями. Внимание к такого рода деталям было проявлением особого отношения к драматургии программы, режиссируемой с учётом особенностей слушательского восприятия.

Лев Шугом в своих интерпретациях дистанцировался от броских стилистических экспериментов. Ему всегда была свойственна аскетичная, мужественная, лишённая излишней сентиментальности исполнительская манера, но в то же время он подкупал слушателей правдивостью и ясностью интонации. Пианизм исполнителя был безупречен, как и его внешний облик, а масштаб замысла, ясное чувство формы и умение по-режиссерски продумать объёмную программу, раскрывали в нем подлинное мастерство и принадлежность большому стилю отечественной фортепианной школы.

Рубеж веков Саратовской консерватории — это эпоха выдающихся личностей своего времени. Эра музыкантов, чья творческая юность выпала на оттепельные 60-е годы и всегда сочетавших высокие гуманистические идеалы тех лет с ощущением творческой свободы и ответственности таланта, его ценности в масштабах мировой культуры. Именно осознание такой роли артиста в большой традиции они заложили в поиски и опыт своих учеников.

Зорина Эвелина Эдуардовна
*Доцент кафедры камерного ансамбля
и концертмейстерской подготовки*



Концерт, посвящённый Э.Г. Гилельсу

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ

*Оказывается, писать воспоминания
совсем не трудно, если не посягать
на лавры великого наблюдателя...,
а простодушно говорить о себе самом.
Люди, правда, почти не узнают о том,
кто искусил твою слабую память,
зато узнают, в каком хорошем
обществе ты вращался.*

Ю. Нагибин

Любые воспоминания — это блики памяти. Перед внутренним взором возникают отдельные кадры, как в кино, иногда к ним есть музыкальное сопровождение, а иногда нет. Память поворачивает тебя вспять и тогда... оживает прошлое. Возвращаясь далеко назад, испытываешь те же чувства, что когда-то, только к ним примешивается горький осадок утраты и невозвратности времени. Прошлое неповторимо...

Мои воспоминания о Льве Исаевиче Шугоме почему-то не складываются в хронологический ряд, а выстраиваются по какому-то другому принципу, логике которого понимать не хочется.

Я была в числе самых первых его студентов — 1968 год был годом моего поступления в консерваторию и вторым годом работы Льва Исаевича на кафедре. Но так случилось, что осенью Льва Исаевича призвали на службу в армию, и всех его студентов распределили.

Год 1969. Ура! Наш преподаватель снова с нами! Сколько же было пройдено за первое полугодие второго курса! Особенно запомнились уроки, посвящённые Листу — Венгерская рапсодия №12, Большие этюды по Паганини №2 (*Es-dur*) и №5 «Охота», а также особенно любившиеся мне сочинения — Бах-Бузони «Чаконна» и Соната №3 Прокофьева. Всё это было выучено за три месяца. Мы, его студенты, работали с каким-то вдохновенным энтузиазмом, а наш преподаватель, изголодавшийся по любимой стихии после армии, творил с нами чудеса! Почти все уроки проходили с фирменной меткой — на все разбираемые вдоль и поперёк произведения у Льва Исаевича, как из рога изобилия, находились многочисленные примеры с аналогичными задачами, но других композиторов. Это было поразительно!

Эту особенную черту его педагогического мастерства знала не только я и его консерваторские ученики. Это отмечали все, кто когда-либо присутствовал на его знаменитых мастер-классах. Хочу привести заметку профессора Н.Л. Межлумовой «Старая добрая незабытая классика» из газеты «Кубанские новости» №№ 39-40 от 1 марта 2002 года:

«В Краснодаре в муниципальном концертном зале состоялся Концерт заслуженного артиста России, профессора Саратовской государственной консерватории Л. Шугома. Зрители, а это в основном преподаватели, студенты, учащиеся музыкальных школ, музучилища им. Н.А. Римского-Корсакова, Университета культуры и искусств, сошлись во мнении: исполнительское искусство пианиста выше всяких похвал. Особо отмечено блестящее исполнение Седьмой сонаты Прокофьева, “Карнавала” Шумана, а также произведений Чайковского, Рахманинова, Шопена, Шумана.

Музыкант провёл в наших учебных заведениях несколько мастер-классов. Поражали объём его пианистической памяти, знание огромного числа фортепианной литературы. «Просто удивительно, как на один пример из музыкального произведения пианист приводил шесть-семь аналогичных примеров из других произведений с теми же проблемами», — делились слушатели впечатлениями.

Первый курс консерватории. Мне была задана Французская сюита №3 *h-moll* Баха (BWV 814). Я стала разбирать части сюиты и совершенно не понимала, как всё это надо играть! И вот я на первом уроке по специальности. Лев Исаевич сел играть сюиту, исполняя каждую часть с комментариями, что так сыграл бы Гилельс, а так Рихтер, а так я бы сыграл, а Вы



2016 г. С Людмилой Сябрено (Зикрач)
выпуск 1974 г.

(нас, юных студентов, Лев Исаевич сам, будучи совершенно молодым человеком, ненамного старше меня, всегда называл на «Вы») должны сыграть как-то по-своему, ну, или, по-моему. Я была поражена, как точно он изобразил стиливые особенности игры Гилельса и Рихтера (Рихтера я слышала вживую, а не только в записях), и как отличалась его собственная трактовка. Я была в восторженном шоке! Именно этот урок стал основополагающим в моей ученической преданности Учителю.

Если современный читатель будет читать эти строки, то требуется пояснение. Профессор С.С. Бендицкий учился у Г.Г. Нейгауза, а Лев Исаевич был музыкальным «внуком» Г.Г. Нейгауза, ну а я, соответственно, «правнучка», равно как и все студенты Льва Исаевича.

Воспоминания уносят меня к 1993 году, когда в Саратове состоялся Первый Нейгаузовский фестиваль. С этого фестиваля я привезла массу ярчайших впечатлений от встреч с музыкой, в том числе и доселе неизвестной, от встреч со знаменитыми личностями — Алексеем Наседкиным, Элисо Вирсаладзе, Натальей Гутман и другими известными исполнителями, а также книгу «Генрих Нейгауз» под редакцией Д.В. Житомирского, Л.Н. Наумова, в создании которой рецензентами выступили Е.В. Малинин и Г.М. Цыпин. Книга же составлена и откомментирована Е.Р. Рихтер и с именной дарственной надписью Милицы Нейгауз — дочери Генриха Густавовича, из рук которой я её и получила.

После фестиваля, уже на Камчатке, я задась целью дойти до истоков своей музыкальной родословной. Перечитав биографии многих музыкантов-пианистов (тогда ведь не было интернета) и композиторов, к которым меня приводили мои изыскания, я выяснила — с имени великого Бетховена идёт наш музыкантский род! Вот цепочка, которую удалось собрать по звеньям: Бетховен — Черни — Лист — Таузиг и Бюллов — Барт — Нейгауз — Бендицкий — Шугом. Вот как постепенно наполнялась и передавалась из поколения в поколение копилка, хранящая множество бесценных знаний и умений фортепианного исполнительского искусства! Уму непостижимо, но это здорово!

Однажды, открыв дверь класса, я услышала, что Лев Исаевич играет Сонату №2 *g-moll* Шумана. Я стояла и слушала, не решаясь войти. Вошла, когда закончилось исполнение. Лев Исаевич сказал мне: «Вот думаю, что Вам дать учить — “Венский карнавал” или Вторую сонату». Я робко выразила своё мнение, что Шуман мне не близок. Лев Исаевич в свойственной ему юмористической манере сказал: «То есть, Вы очень далеки от Шумана. Тем более — Вас надо друг к другу приблизить, даже если это будет вопреки. Начнём с “Венского карнавала”, я так понял, что Вам всё равно». Делать было нечего, кроме как повиноваться. С большой нелюбовью я приступила к разбору этого сочинения. Особенно раздражали (именно раздражали, если не сказать возмущали) марши и в целом маршевость, пронизывавшая почти всю его музыку. Меня раздражал и вызывал неприятие этот немецкий дух, эти четыре четверти, даже когда их было три, эти термины на немецком языке вместо итальянского. В общем, Шуман никогда не был моим композитором, да и не стал по сей день. И дело даже не в том, что мы были политизированы, и с негодованием, заложенным видимо как-то генетически, относились ко всему немецкому после Второй мировой войны, хотя прошло достаточно много лет после её окончания. Даже лирические темы не вызывали отклика.

Принеся на урок наполовину выученный «Венский карнавал», я была напрочь раскритикована Львом Исаевичем. Он сказал, что это никуда не годится, что великая музыка в моём воспроизведении становится ничем. Сел за рояль и стал играть, останавливаясь и призывая меня взглянуть на эту музыку, исходя из её названия, где ключевым словом является

«карнавал». И начал рассказывать о своём представлении, как он видит маски и, самое главное, что скрывается за этими масками. Я опешила! Заранее настроившись на неприятие этого произведения, вдруг осознала, что самое-то главное — это то, что скрывается под масками! И потом, долго думая над этим, я поняла, что за внешними атрибутами маршевости и помпезности прячется совершенно ранимая, уязвлённая чем-то или кем-то душа человека. Страдание, боль, презрение к самому себе, отчаяние и ещё другие чувства, которые трудно выразить словами, может испытывать любой человек без привязки к стране, к национальности, просто он человек — творение Божье. На следующем уроке я коряво поделилась своими мыслями, боясь иронии и насмешки, но Лев Исаевич, выслушав меня, был серьёзен, и после некоторой паузы сказал, что теперь он спокоен, и я исполню (так и сказал — исполню, а не сыграю) выдающееся сочинение величайшего сумасшедшего гения хорошо. Так оно и произошло. А потом была Вторая соната *g-moll*. Помню, как её великолепно исполнял сам Лев Исаевич, с такой страстью, с таким неистовством, как будто не было надежды на свет в будущем!

Много лет спустя я с дочерью Владой, аспиранткой консерватории, обучавшейся как бы по наследству у Шугома, зашли в класс ко Льву Исаевичу. Зашли просто пообщаться, но шёл урок со студенткой, исполнявшей Сонату Бетховена *A-dur* № 28, op.101. Он жестом пригласил нас присесть. Мы тихонечко расположились в классе. Лев Исаевич по натуре артист, которому нужна публика! Прямо на наших глазах он так воодушевился, показав своё глубочайшее проникновение в мысли, чувства человека, жившего более полутора веков назад! Поддавшись магнетизму ассоциативных сравнений, стараясь повторять то, что показывал и рассказывал в мельчайших подробностях Лев Исаевич — о присутствии в сонате и мужественности, и мечтательно-просветленной печали, и даже спрятанной скорби, и юмора — студентка буквально преобразилась. Как будто и не она была за роялем! На наших глазах происходило волшебство, волшебство творчества Учителя и ученика! Мы сидели как заворожённые, не смея шевельнуться, чтобы, не дай Бог, не разрушить магию священнодействия!

Урок был окончен. У студентки неистово горели глаза, у нас тоже. Влада в восторженном



Л.И. Шугом

порыве сказала: «Лев Исаевич, Ваши уроки надо записывать на видео, это должно стать достоянием многих!» На что услышала в ответ, что никогда он не будет выступать «с показухой», что урок — это интим души, и если кому-то довелось при этом присутствовать, то вот этого и довольно. Именно на этом уроке я поняла, что мой Учитель — **Великий Магистр Музыки**. Но не в современном значении, а так как его понимали в позднем Риме, в Византии в VII — VIII веках, как один из высших титулов почитания. Магия творчества — вот что волшебным образом всегда сильно воздействует и попадает прямо в сердце и душу, делая зарубки прекрасного, которые навсегда укладываются в сундучок памяти.

Чем больше пишешь, тем больше вспоминается. Хочется и об этом написать, и о том; разбуженные мысли-воспоминания налетают друг на друга, борясь за первенство. Так о чём же сначала?

Мы жили на Камчатке, и мой муж уговорил Льва Исаевича прилететь в Петропавловск-Камчатский с концертами, мастер-классами, да и просто отдохнуть в удивительном уголке нашей необъятной России. После некоторых колебаний Лев Исаевич всё же согласился.

И вот первый концерт.

«Думка» и Большая соната Чайковского, вызвавшие бурю восторгов, а после неё такая простая, грациозно-нежная «Песнь жаворонка» и проникновенная, поэтично-философская «Осенняя песнь». Седьмая соната Прокофьева во втором отделении продолжала доводить публику до высшего градуса, «Петрушкой» Стравинского публика была сражена окончательно, а бисирование «Наваждением» довело зал до экстаза. Все повскакивали с мест, кричали «браво», скандировали «ещё, ещё, ещё» и было ещё — Вальс Шопена, грустный, задумчивый, нежный и какой-то прощальный.

Со Львом Исаевичем мы часто встречались в Краснодаре, когда он приезжал с концертами и мастер-классами. Зал всегда был полон, мест не хватало. Пианиста Льва Шугома знали и любили, концерты были аншлаговые!

Каждый раз после концертов мы собирались пообщаться. Наши знаменитые посиделки! Сколько интеллектуальных разговоров, шуток, дорогих воспоминаний! Незабываемые встречи, незабываемое общение людей, объединённых влюблённостью в музыку! И восторги, восторги от только что услышанного, от сопричастности к чуду, сотворённому руками, душой и сердцем Льва Исаевича!

Но он сам к себе был мелочно придирчив и чрезмерно строг. Его исполнение отличалось не только глубоким проникновением в содержание — иногда увиденное по-своему, по-новому, иногда разрушающее штампы трактовок, не только эмоционально-задающее и вызывающее порой слёзы, не только блестяще-виртуозное, не только построенное по принципу «от очень сложного», к «невероятно сложному». Но самое удивительное — при этих «не только», исполнение было всегда безупречно чистым.

После окончания консерватории я дала себе слово, что буду поздравлять Льва Исаевича с Новым годом и с Днём рождения, где бы я ни находилась. И я держала это слово, отправляла открытки, написанные собственноручно даже из Америки. А сейчас, когда его не стало, я ежедневно читаю заупокойную молитву и раз в сорок дней записываю его имя в сорокоустах об упокоении, так же, как делаю это по отношению ко всем моим дорогим людям, покинувшим нашу грешную, но такую прекрасную землю, жизнь на которой и есть земной рай, где есть радость, счастье, любовь и, наконец, Музыка!

Для моего дорогого Учителя Музыка была всем в его жизни, она была и мечтой, и счастьем, и радостью, и его огромной любовью. И он служил ей преданно и беззаветно, служил с блеском и восторгом, отдавая себя целиком этому великому служению, пока не перестало биться его сердце...

Людмила Сябренько (Зикрач)

Преподаватель отделения специального фортепиано

Краснодарского музыкального училища им. Н.А. Римского-Корсакова (Краснодар).

Заведующая фортепианным отделением и преподаватель Детской музыкальной школы № 2,

солистка и руководитель ансамбля «Ренессанс»

при Камчатской филармонии,

директор «Детской филармонии»,

ведущий специалист Управления культуры

(Петропавловск-Камчатский).

Солистка фортепианного дуэта «ТРОЙКА»

при RUSSIAN and AMERICAN PERFORMING

ARTISTS /RAPA/

(США-Россия).

Выпуск 1974 года

САРАТОВ
Сезоны Льва Шугома



бо следует отметить концерты к 160-летию Л. Чайковского — сольный в зале консерватории, и в ансамбле с учениками — студентами Саратовской консерватории в Волгодонске и Саратове, где были исполнены три концерта для фортепиано с оркестром, Большая соната, Концертная фантазия, фортепианные миниатюры. В конце октября артист завершил этот цикл, который проходил в течение прошлого и нынешнего сезонов. В цикл вошли также выступления Л. Шугома со струнным квартетом Саратовской филармонии «МОЦ-АРТ» (Глинка, Большой секстет Es-dur, Неполная соната для альта и фортепиано, Шостакович, Трио e-moll), а также классический концерт цикла был посвящен романсам Чайковского и Рахманинова (солисты — Т. Соболева, В. Демидов).

В нынешнем сезоне артист выступал с оркестром (в частности — 14 октября 2001 с дирижером М. Кнеллем (Германия) исполнил Пятый концерт Бетховена). Пианист провел ряд сольных выступлений, а в Филармонии на Кавказских Минеральных водах и в Саратовской филармонии в ансамбле с доц. А. Рыколем представил программу фортепианных дуэтов (Соната D-dur Моцарта, 10 венгерских танцев Брамса, Вариации на тему Паганини Лютославского, Соната «Скарамуш» Д. Милло).

В планах Л. Шугома гастроли в Калининграде, Кисловодске (дирижеры А. Фельдман, В. Нестеров), три зарубежных поездки, концерты в Саратове, Волгодонске. В июне 2002 музыкант будет работать в жюри конкурса пианистов в Волгодонске.

Профессор Саратовской консерватории, засл. арт. России, пианист Лев Шугом на протяжении двух последних сезонов активно выступал как солист и ансамблист с большими тематическими программами.

На протяжении 30 лет пианист создает масштабные циклы, превосходных воплощ. Так было и с серией монографических сольных вечеров, посвященных творчеству Бетховена, Шумана, Листа, Шопена, Чайковского, Рахманинова; так было в сезоне 1992-93, когда Шугом сыграл все концерты и Рапсодию на тему Паганини Рахманинов с Саратовским АСО; так было и в сезоне 1999-2000, озаглавленном циклом фортепианных вечеров «Памяти Э.Г. Гилельса».

Свою линию тематических концертов Лев Шугом продолжил и в прошедших сезонах. Это, в первую очередь, — цикл из пяти концертов «Русская фортепианная и камерная музыка» (осо-

ель и газета * Читатель и газета

• Лица **Обаяние пианизма**

Об этом артисте можно говорить без вступлений. Лев ШУГОМ — одно из самых ярких имен в искусстве Саратова. Осуществлена очередная идея пианиста — цикл из пяти концертов «Русская фортепианная и камерная музыка».

Не будет того, что называется рецензией. Музыкант с такой интенсивной, можно сказать — мощной концертной жизнью, имеет и без того обширную прессу. Смысл дежурного разового отклика на концерт отступает ввиду «серьезности ситуации», созданной Л.Шугомом в творческой жизни Саратова. Без малейшей опасности власть в привычный провинциальный восторг скажем: Лев Шугом редкостно одарен как пианист, владеет огромным репертуаром и как профессионал чрезвычайно любим слушателем. Казалось бы, он давно находится в той стадии, когда уже можно успокоиться, как принято говорить, работать на авторитете. Дано от природы очень много, успех у публики гарантирован: виртуозность уже сама по себе покоряет зал. Концерты по всей России, в Германии и Нидерландах, работа профессора кафедры специального фортепиано со студентами.

Но этому человеку надо завоевывать новые пространства. По своей природе открытый одиночник, он, тем не менее, — один из участников давно созданного в городе прекрасного фортепианного дуэта, и периодически обращается к камерному музицированию. Теперь Л.Шугом начинает вовлекать в совместную работу партнеров-певцов, и оказывается вдруг, что он очень хорош и изыскан как концертмейстер...

Творчество Льва Шугома — как раз тот случай, когда вдруг робко догадываешься, что в давний спор о разуме и интуиции в искусстве начинает вмешиваться еще одна удивительная сила — обаяние его пианизма.

Ася КИРЕВА,
заслуженная артистка РФ, профессор Саратовской
государственной консерватории



10 КУЛЬТУРА

КОНЦЕРТЫ

Русский виртуоз

Выступление пианиста европейского уровня — редкое событие в культурной жизни нашего города. Такое мероприятие в настоящее время требует больших затрат и хлопот. Поэтому приезд в Майкоп заслуженного артиста России, профессора Саратовской государственной консерватории им. Л.Собинова Л.И.Шугома был воспринят как жест дружеского расположения пианиста европейского ранга к нашему городу, руководству Адыгейского республиканского колледжа искусств им. У.Х.Тхабисимова, которое организовало с ним творческую встречу.

С колледжем Льва Исаевича связывают давние «родственные» отношения: здесь работают выпускники Саратовской консерватории, хорошо знакомые коллеги-единомышленники. Каждое новое общение с пианистом дает для них мощный толчок к самосовершенствованию, поднимает планы профессиональных требований к себе и студентам, а также становится источником ярких художественных впечатлений. На этот раз пианист был приглашен для участия в концерте «Музыкального абонемента», играющего воспитанники учащейся молодежи города.

Творческая личность Льва Шугома удивительна и уникальна. Не задаясь целью приобрести титулы и награды на международных конкурсах, получить престижное место в музыкальных учебных заведениях Европы и Америки, пианист долгие годы поддерживает блестящую концертную форму, гастролируя во всех регионах нашей страны и за рубежом. В Голландии, Германии, Англии, на Кипре его концерты собирали полные залы и вызвали неизменный восторг и восхищение публики. Критики называли его «русским виртуозом», «подлинным создателем музыки», «вершиной фортепианного искусства, подобной С.Рихтеру». Его выступления создавали ощущение шока, потрясения, сенсации, воспринимались как торжество русской пианистической школы.

Вот как отзывалась о пианисте Л.Шугома музыкальный критик из Великобритании Х.Мендел-Штраус: «Четыре десятилетия назад я испытала шоковое состояние, когда впервые услышала игру С. Рихтера. И вот сейчас мне

Deutsch-russische Musikwoche in Wetzlar

Lew Shugom gestaltete sein Konzert mit „Leib und Seele“

Von unserem Mitarbeiter
Jochen Schlingensief

Wetzlar. Ein Abend der deutsch-russischen Kulturwoche in Wetzlar war einem reinen Klavierprogramm gewidmet. Nicht drängten sich die interessierten Zuhörer im Saal der Musikschule, um den Pianisten Professor Lew Shugom zu hören. Er präsentierte dem Publikum ein umfangreiches Programm mit überwiegend russischem und spanischem Repertoire: Tschaikowski, Rachmaninow, Prokofjew, Albeniz, Granados und Liszt waren die Komponistenamen auf der Programmfolge.

Lew Shugom hätte von der Dynamik seines Klavierspiels her auch einen weit größeren Saal befriedigend ausfüllen können. Denn seine Interpretation ließe sich nicht nur die virtuose Seite des Klavierspiels, sondern vor allem das kraftvolle Element, wodurch sich ein Fülleklänge von großer Schönheit entwickelte. Das zeigte sich schon eingangs bei Tschaikowskis „Dumka“, einem Werk von ausladender Dynamik, und setzte sich bei den komplexen Preludien und Etüden von Rachmaninow fort.

Schließlich erreichte der Clavierabend seinen ersten Höhepunkt bei Sergei Proko-

fiets Sonate Nr. 7. Das Werk hat die „Unruhe als Triebkraft“, Schlagkraft und Wildheit bestimmen die Charaktere in den Ecksätzen. Lediglich im Mittelteil kommt das Werk in stilleren Kantilenen etwas zur Ruhe.



Lew Shugom begeistert.

Ein solcher Prokofjew schien Lew Shugom auf den Leib geschrieben, der mit viel Energie, aber ebensolcher Sicherheit die Stimmungen des Stücks nachzeichnete.

Nach der Pause wurden die Klänge vorübergehend etwas zierlicher: Die schlichten Melodien von Albeniz in seiner „Spanischen Suite“ wurden von Lew Shugom entsprechend vorsichtig gespielt. Die

Sätze „Granada“, „Sevilla“, „Asturias“ und „Cordova“ waren alle ähnlich dreifach ausgebaut und ließen viel Raum, in der Rhythmik ist Melodik Spaniens zu spüren. Etwas knattrvoller ging es dann schon wieder bei der „Spanischen Tans“ und der „Capriccio Espagnol“ von Granados (1867 bis 1916) zu.

Und schließlich ist die Lisztische „Rhapsodie Espagnol“ das herausragendste Beispiel dafür, wie die Musik Spaniens in die Kunstwelt für Klavier Eingang gefunden hat. Die Dramaturgie des mehrteiligen Stücks wurde von Lew Shugom in mitreißender Weise nachvollzogen, bezaubernde Höhepunkte genauso herausgearbeitet wie die Variationskunst von Franz Liszt. Kein Wunder also, daß großer Beifall der gelungenen Interpretation dieses großen Werkes folgte.

Und als hätte er nach diesem anstrengenden Programm immer noch Kraft, bedankte sich der Künstler mit drei Zugaben. Der abschließende Ausflug zu Chopin war sogar ein solches Hervorlocken physischer Kräfte und pianistischer Qualitäten, daß man nicht glauben wollte, daß der virtuose Russe schon fast zwei Stunden gespielt hatte.

SAMSTAG, 22. FEBRUAR 1997

RADOLFZELL · HÖRI AM WOCHENENDE

Klavier-Matinée

In der Mettnau-Schule gibt der russische Pianist Professor Lew Shugom im Rahmen der Matinée-Reihe an der Mettnau-Schule Radolfzell am Sonntag, 23. Februar, um 10.30 Uhr ein Konzert. Bereits 1993 war Shugom zu Gast in der Mettnau-Schule und demonstrierte einem begeisterten Publikum seine außergewöhnlichen pianistischen Fähigkeiten. Er spielt Werke von Tschaikowsky, Skrjabin, Strawinsky und Liszt. 1989 wurde Shugom mit der außergewöhnlichen Ehre „Verdiente Künstler von Rußland“ ausgezeichnet, dem höchsten Titel des Landes.



На встрече выпускников класса Л.И. Шугома. 8 марта 2019 г.



Концерт студентов и выпускников класса.
Л. Моисеева Р. Арустамов, Д. Горохова, Д. Конгурова,
А. Долженко О. Донник, М. Садритдинова, Н. Ковалик,
Л.И. Шугом. 2016 г.



Ю. Бабкина (Литвиненко), М. Грачёва,
А. Долженко, Н. Ковалик. выпуск 2004



Э. Аронс, Л. Дмитриюкова, Л.И. Шугом, Ю. Колесни-
ченко, В. Антропова (выпуски 1985 - 1987г.г.)



С коллегами и студентами



Л.И. Шугом со студентами консерватории



А. Карпов, Е. Иванова, Э. Аронс, Ю. Колесниченко,
В. Антропова, Л. Дмитриюкова, С. Островская,
Р. Закитейн, Л.И. Шугом. Вып. 1985 - 1987

ПИСЬМО УЧИТЕЛЮ

Дорогой Лев Исаевич!

Так и не хочет приходить понимание того, что я не смогу благодарно обнять Вас при встрече, пожать руку, посмотреть в глаза! Но как здорово, что в моей жизни был и, уверена, есть учитель Шугом.

Занятия в Вашем классе были не только основательным профессиональным стартом, но и примером общения со студентами и коллегами, а Ваше умение слушать собеседника, неповторимая манера отвечать и тонко иронизировать над собой уникальны!

Невозможно забыть Вашу заботу и выручку в непростые моменты студенческой жизни. Как-то на экзамене, вымученная простудой и температурой 39°, я стала «терять» текст концерта. Слабо помню, что Вы начали играть за двоих, а потом сказали единственное: «Хорошо, что не убрала руки».

Да и после выпуска Вы были в курсе наших побед и неудач, радовались и огорчались вместе с нами, Вашими студентами. Даже интересовались репертуаром моих учащихся!

Однажды Вы удивились тому, как в Первом концерте Сергея Прокофьева я разложила фактуру и обозначила аппликатурные варианты так, как если бы это было сделано Вами.

Значит, всё не зря!

Вы говорили, что важно не только учиться, но и научиться. И помнить, что в музыке главное — музыка. А она была Вашим кредо, смыслом жизни.

И ещё профессионализм. Высочайший!

Помню, на Ваших выступлениях у меня первой реагировала кожа, потом были слёзы и наступало понимание всей глубины исполнения. Это ли не подлинное искусство?

А ещё Вы поздравляли нас с праздниками...

Любили Крым, Коктебель...

Когда бываю в тех краях, на ум приходит: «Могучим Кара-Дагом над безбрежной лагуной искусства созерцает Маэстро хоровод суетливых чаек».

Выдержка, мудрость, юмор, совесть и честь — это портрет моего Учителя.

Ваша поддержка ощущалась всегда. Впрочем, я и сейчас на Вас рассчитываю!

С уважением и любовью,

Марианна Новопавловская (Черкасова)



Марианна Новопавловская (Черкасова),
 Преподаватель Детской музыкальной
 школы №1 имени С.В. Рахманинова,
 солистка Крымского Центра
 старинной музыки (клавесин),
 преподаватель Школы раннего
 музыкального развития
 Крым, г. Симферополь

выпуск 1985 года

Из книги «Лев Шугом в воспоминаниях
 учеников». Сборник статей, Саратов 2019 г.

О ЛЬВЕ ШУТОМЕ

В 1969 году я поступил в Саратовскую государственную консерваторию им.Л.В. Собинова. В приёмной комиссии сидели С.С. Бендицкий, Б.А. Гольдфеде, А.М. Тараканов и Л.И. Шугом. С 1975 года после службы в армии я работал на кафедре А.А. Скрипя. С этого времени удалось побывать на всех сольных программах Льва Исаевича.

Это было незабываемо! Переполненный зал: люди стояли даже в проходах, вызывая раздражение у пожарных. Помню, как восторженно публика принимала пианиста. После двух отделений начиналось третье и бисы...

Кстати, в то время концерты были бесплатными!

Так получилось, что мы вместе несколько раз отдыхали в санатории «Светлана». Надо заметить, мы разговаривали на Вы. Но это было естественно, и он никогда не выпячивал себя,

полностью отсутствовал эгоцентризм. Я очень ценил это качество в нём. Идём на прогулку по лесу. Это хвалынский заповедник. Я спрашиваю: «А где же все звери? Зайцы, волки, косули, кабаны?» Он не задумываясь ответил: «Да Вы что, Анатолий, разве не видите, кто идёт? ЛЕВ».

Юмор такой, что М. Жванецкий отдыхает!

Многое можно вспомнить. Часто перед концертом в Большом зале Лев Исаевич просил меня обыграть программу в училище перед студентами. Титан... столько выступлений... настоящий НАРОДНЫЙ АРТИСТ.

Искренне, Анатолий Несолёнов

Несолёнов Анатолий Михайлович,
заслуженный работник культуры РФ,
преподаватель ГПОУ «Саратовский
областной колледж искусств»



СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ!

Уход художника открывает нашему чувству таинственный путь к его сердцу... В этих строках я хочу поделиться тем, что в просторах Времени не стало прошлым, поделиться некоторыми своими воспоминаниями о Льве Исаевиче Шугоме — замечательном музыканте и человеке.

Перебирая сейчас памятные чувства, связывающие меня со Львом Исаевичем, хочу сказать, что вся его личность источала такое понимание музыки и жизни, что хотелось послушать его снова и снова. Общение со Львом Исаевичем было как будто чудом, в любой обстановке — в классе, в концертном зале, дома. Оно рождало уверенность в себе, веру в правильность избранного пути. Он обладал удивительной способностью заражать студентов своим вдохновением, он открывал перед нами двери на бесконечные просторы музыки!

Вспоминается одна из наших поездок в город Волгоград. Я играла «Карнавал» Шумана. Зал Волгоградского музыкального училища был заполнен до отказа студентами, педагогами, гостями. Наш приезд стал большим событием для музыкального мира города. Я очень волновалась, но Лев Исаевич подбадривал меня. Это было мое первое публичное выступление, первые аплодисменты... А вечером в честь нашего приезда был организован большой ужин.

Эти концерты с разными интересными программами и эти тёплые встречи повторялись каждый год вновь и вновь.

Но только теперь, спустя десятилетия, я понимаю, что и тёплые приемы, и аплодисменты, которых мы, студенты, были удостоены, предназначались ему — нашему Учителю. Именно он имел право на сердечное внимание к себе, на любовь и уважение благодарных слушателей.

Я стараюсь продолжать традиции нашего класса, каждый год проводя концерты своих студентов в залах Нью-Йорка. И не без гордости скажу: девяти моим студентам, кто удостоился звания Лауреата Международного конкурса, посчастливилось играть на сцене Карнеги Холл.

На уроках Лев Исаевич был большой мастер выдумки, оригинального образа. Иногда между нами было противостояние, возникали споры, которые в конечном счете приводили к «золотой середине», к правильному решению творческих задач.

Каждые полгода (перед экзаменом) Лев Исаевич устраивал классные вечера, которые проходили в знаменитом 44 классе, что чрезвычайно помогало затем выйти на сцену Большого зала. А потом было обсуждение исполняемых произведений. Он никогда не критиковал, но находил нужные слова по исполняемой пьесе. У Льва Исаевича не было жёстких схем определяющих, как должно звучать то или иное музыкальное произведение. Он охотно принимал новую интерпретацию, если, конечно, она отвечала авторскому замыслу. Любой ученик был для него индивидуальностью, обладающей собственными способностями, и он всячески старался содействовать их развитию, деликатно устраняя сдерживающие ограничения.

Игра Льва Шугома покорила нас, студентов. Ярko запомнились следующие произведения в его исполнении: 7-я соната Сергея Прокофьева, Восточная фантазия «Исламей» Балакирева, Сонаты № 8, 14, 18, 23 Бетховена. А как он играл «Петрушку» Стравинского! Без преувеличения скажу, что такого исполнения этого произведения я ни у кого другого не слышала! Оно было настолько совершенным в смысле пианизма (ни одной фальшивой ноты!). Грандиозное пианистическое мастерство, предельная мощь!

Пианистическое искусство Льва Шугома с годами обновлялось. Источником обновления, я думаю, было его душевное постоянство. Но мои строки и моя мысль сейчас не об особенностях его исполнительства, но о голосе души, об искренности его личности. Как педагог и пианист, как человек, Лев Исаевич нёс нам ощущение свободы и демократии!

Это был человек большого мужества, деликатности и обаяния. Его любили все, а мы, студенты его класса, гордились тем, что учимся у него, что Лев Исаевич — НАШ Учитель!

Алла Фёдорова-Елисеева,
кандидат педагогических наук,
доцент Кафедры музыки
Московского государственного
университета культуры и искусств,
профессор Школы искусств им. Д.Д. Шостаковича
в Соединённых Штатах Америки, г. Нью-Йорк
выпуск 1982 года

Из книги «Лев Шугом в воспоминаниях учеников». Сборник статей, Саратов 2019 г.



С Аллой Елисеевой (Фёдоровой) 1982 г



Алла Елисеева (Фёдорова) . Вып. 1982 г.
Выступление в Золотом зале Посольства РФ,
Вашингтон, 1999 г.

К ЮБИЛЕЮ УЧИТЕЛЯ!

Моему дорогому Учителю Льву Исаевичу Шугому в этом году исполнилось бы 80 лет! Это событие, как и пять лет назад, вновь объединило выпускников разных лет для того, чтобы вспомнить нашего любимого «шефа»! Поскольку масштаб личности Льва Исаевича трудно уместить в рамки словесных умозаключений, то в большинстве случаев материал выстраивается скорее в эмоционально окрашенных тонах, приобретая трогательный оттенок — по зову сердца и души. И в знак солидарности с моими коллегами хочется выразить слова бесконечной благодарности человеку, который стал для меня не только наставником в музыкальном творчестве и фортепианной педагогике, но и ориентиром в повседневной жизни.

В преддверии юбилейной даты в памяти одно за другим всплывают тёплые воспоминания о прекрасном периоде обучения в Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова. Для всех воспитанников класса Л.И. Шугома студенческие годы, прежде всего, связаны с возможностью творческого взаимодействия с уникальным музыкантом, концертирующим пианистом, опытным педагогом. Но еще большую значимость для многих из нас

имело тесное общение со Львом Исаевичем как с удивительным человеком, с многогранной личностью, наделённой ценными качествами, многие из которых сейчас, к сожалению, большая редкость.

Среди музыкантов встречаются педагоги, способные создать в классе особую творческую атмосферу, в которой происходит качественное преобразование молодых исполнителей, осуществляется их внутреннее наполнение, раскрываются лучшие грани таланта. Именно к такому типу наставников принадлежал наш профессор. Он был по сути проводником в мир искусства, демонстрировал нам высочайший уровень музыкальной эрудиции, воспитывал преемственность традиций, прививая новичкам культурные ценности, на собственном примере показывал преданность своему делу.

Обращаясь к творческой биографии Льва Шугома, становится очевидным, что она насыщена судьбоносными встречами с крупными музыкантами, которые сыграли важную роль в жизни перспективного пианиста. В начале пути, в училище и в консерватории г. Саратова основы фортепианного исполнительства были заложены С.С. Бендицким — представителем

легендарной школы Г.Г. Нейгауза; в Москве состоялось послевузовское обучение в ассистентуре-стажировке ГМПИ имени Гнесиных (ныне РАМ имени Гнесиных) в классе А.Л. Иохелеса — ученика К.Н. Игумнова; и, наконец, совершенствование профессионального мастерства проходило в МГК имени П.И. Чайковского под руководством Л.Н. Власенко, который учился у Я.И. Флиера. Таким образом, истоки музыкально-исполнительского искусства Л.И. Шугома опираются на мощные академические «корни». Но, как и в любом деле, полученная база — это лишь основа, толчок в создании чего-то нового, своего. И таким продолжением стал фортепианный класс Л.И. Шугома, выпускникам которого была гарантирована профессиональная путевка в жизнь.

Невероятно, но заряд творческой энергии, полученный от Льва Исаевича более 20 лет назад, вдохновляет и поддерживает до сих пор. Сколько же внутренних сил требовалось ему в ходе многолетней педагогической работы. Периодически сталкиваясь с некоторыми трудностями на собственном пути, я задаюсь вопросом: «Откуда черпал физические и внутренние ресурсы сам Лев Исаевич?!» А учитывая размах его профессиональной деятельности (концертное исполнительство, фортепианная педагогика, руководство вузом) и неимоверные усилия, необходимые во всех направлениях, остается только восхищаться титанической мощью, стойкостью и целеустремленностью его натуры. Далеко не каждый человек способен на такие подвиги!

Лев Шугом был идейным вдохновителем и организатором нескольких масштабных проектов, таких как: «Фестиваль памяти С.С. Бендицкого» и «Вечера памяти Э.Г. Гилельса», «Русская фортепианная и камерная музыка», монографические циклы, посвященные творчеству великих композиторов: Л. ван Бетховена, Р. Шумана, Ф. Шопена, Ф. Листа, П.И. Чайковского, С.В. Рахманинова.

Одной из вершин и своего рода рекордом в истории фортепианного искусства стал грандиозный цикл «Избранные фортепианные произведения», в который вошли 6 сольных концертов, сыгранных с интервалом в 3 дня (!!!). Разумеется, с разной сольной программой.

Роскошный концертный репертуар пианиста поражает своими масштабами: «Большая соната» П.И. Чайковского, «Испанская рапсодия» и Соната си минор Ф. Листа, «Картинки



С Юлией Бабкиной (Литвиненко). Выпуск 2004 г.

с выставки» М.П. Мусоргского, «Карнавал» Р. Шумана, «Исламей» М.А. Балакирева, «Петрушка» И.Ф. Стравинского, «Вариации на тему Паганини» И. Брамса, фортепианные концерты С.В. Рахманинова, П.И. Чайковского, Ф. Листа, Л. ван Бетховена, Э. Грига, Р. Шумана, С.С. Прокофьева, К. Сен-Санса и т.д.

Безусловно, добиться высоких результатов в исполнительском искусстве чрезвычайно сложно. Но самое трудное — не просто удержаться на этом уровне, но и продолжать успешно идти к новым вершинам. Ведь каждый раз выходя на сцену, артист обязан демонстрировать максимум своих возможностей. Пианизм Льва Шугома, о котором написано много восторженных отзывов, можно считать образцом подлинного мастерства, в высшей степени качественного и технически совершенного. Слушая Льва Шугома даже в записи, создается ощущение, что ему всё подвластно. Свои творческие замыслы он воссоздает гармонично, цельно и «по-режиссерски» убедительно и свободно.

Исполнительскому стилю Льва Шугома свойственны простота и благородство, целостность творческого замысла и его совершенное воплощение, гармоничный сплав эмоциональных и интеллектуальных начал, ясное ощущение формы и пропорций. Пианист умел «говорить со

сцены» о подлинных чувствах, о возвышенных идеалах, к которым стремится настоящий художник, максимально доступным и понятным языком. Такой же подход к делу наблюдался и во время занятий с учениками.

В отличие от многих концертирующих музыкантов, которые полностью посвящали себя сцене и отказывались совмещать разные сферы творческой деятельности, для Льва Исаевича педагогика стала одной из важных составляющих в жизни. Во многом его артистическое амплуа определяло и направленность педагогических идей. Процесс обучения в классе Л.И. Шугома всегда отличался продуманностью каждого этапа совместной работы учителя с учениками, он выстраивался, как во времени — от первого курса до выпуска, так и в содержательном отношении — в соответствии с индивидуальной траекторией развития талантливой молодежи. При этом он не просто учил играть на рояле, а воспитывал молодое поколение будущих специалистов, владеющих не только системой профессиональных знаний, умений и навыков, но и расширяющих границы узкого ремесла. Так, для многих из нас знания, усвоенные за годы обучения, стали своего рода творческим *credo*.

Оказавшись в числе студентов класса и погружаясь в гущу событий, возникало чувство единения, общности интересов, понимание целей и творческих перспектив, стремление к успешной реализации поставленных задач. Было почётно и в то же время ответственно ощущать себя частью дружной и талантливой семьи, которую возглавлял Лев Исаевич. Стоит отметить, что география студентов, обучавшихся в разные годы в его классе, была достаточно обширной, к нему целенаправленно ехали учиться из разных уголков России и ближнего Зарубежья. Этот факт подтверждает признание высокой степени профессионализма Л.И. Шугома в области фортепианного искусства.

Обучение пианистическому мастерству базировалось на серьезном отношении к исполнительскому искусству, развитию творческой инициативы и самостоятельности. Лев Исаевич считал, что настоящий музыкант должен осознанно изучать авторский текст и творчески подходить к его «расшифровке», стремиться к постижению художественного замысла сочинения и к точному воплощению основной идеи композитора. «ТщательнЕе, тщательнЕе смотри в ноты!», — любил он повторять с легкой

иронией в голосе. Вообще его высказывания были не просто убедительны и понятны, они облекались в яркую художественную форму, порой с отсылкой к литературно-художественным источникам или к шедеврам изобразительного искусства, а зачастую с музыкальными иллюстрациями из разных эпох, стилей и жанров. Порой точный совет от Мастера мог повернуть в нужное русло весь творческий процесс.

Все ученики, несомненно, помнят его проникающий взгляд-рентген и тонкий слух, улавливающий не только звуковые нюансы в момент исполнения, но и внутреннее состояние ученика, его личностные переживания. Он призывал в процессе игры сосредотачиваться не на самих себе, а на творческих задачах, причём отрабатывалось это состояние именно в классе на всех этапах работы.

Наши уроки, так или иначе, были ориентированы на конечную цель — сценическое выступление. Каждое занятие становилось важным этапом на творческом пути от урока к концерту. Так, например, во время традиционных классных прослушиваний вырабатывался алгоритм действий, приближенный к реальным условиям публичного выступления. Эффективность данной системы зарекомендовала себя на протяжении многих десятилетий педагогической работы Л.И. Шугома. Она способствовала созданию в классе аналога концертной обстановки, интенсивному творческому общению, сближавшему студентов разных курсов, расширению музыкального кругозора и накоплению исполнительского опыта. Безусловно, особое внимание студентов было сосредоточено на собственных ощущениях, но еще более действенным способом являлось наблюдение за сценическим поведением своих коллег в схожих условиях. Слушая друг друга, мы имели возможность учиться не только у профессора, но и друг у друга. Подобная форма обучения послужила колоссальной «школой» для всех нас.

Реализация творческих проектов с участием студентов класса Л.И. Шугома всегда завершалась большим успехом у публики и приносила огромную профессиональную пользу для молодых музыкантов, которые вслед за наставником пробовали свои силы, выходя на сцену. И здесь необходимо отметить не только педагогический талант Льва Исаевича, но и его блестящие организаторские способности и невероятную отдачу сил, времени, эмоций для подготовки подобных мероприятий.

На моей памяти таких интересных проектов было достаточно много — это и циклы монографических вечеров, где Учитель и его ученики исполняли все фортепианные концерты Ф. Листа, П.И. Чайковского, С.В. Рахманинова; это и совместные гастрольные поездки в другие города; это и серия регулярных концертов под названием «Навстречу конкурсу...», которые в обязательном порядке проводились перед ответственными выступлениями. Необычным и запоминающимся стал концерт «Навстречу Первому международному конкурсу русской музыки» (Краснодар, 2004 год), в котором помимо четырех разных программ, представленных публике исполнителями-студентами, четырежды прозвучала Восточная фантазия «Исламей» М.А. Балакирева, которая, согласно условиям, была обязательной пьесой.

В начале 2000-х годов Лев Исаевич был на пике своей артистической формы. И это вносило определенные коррективы в процесс занятий. В связи с плотным концертным графиком большую часть работы над программой мы осуществляли самостоятельно, не рассчитывая на непрерывную педагогическую поддержку. Студенты старших курсов помогали младшим товарищам по классу, слушали, давали советы, тем самым непосредственно погружаясь в будущую профессию, в педагогику. В этом определенно есть свои плюсы, поскольку такая профессиональная «закалка» приучила нас к самостоятельности, к ответственности, к умению ставить конкретные задачи и находить пути их решения. Ведь в этом и заключается смысл педагогических усилий, о котором говорил Г.Г. Нейгауз, считавший одной из главных задач педагога — «сделать как можно скорее и основательнее так, чтобы быть ненужным ученику».

Творческий облик настоящего артиста-музыканта формируется на протяжении всей его жизни, но истинный масштаб личности в полной мере осознается окружающими, увы, не сразу, а по прошествии определённого периода... Каждый год неумолимо отдаляет «золотое время» учебы в классе Л.И. Шугома, а память настойчиво возвращает в прошлое, в ещё большей степени помогает постичь глубину и суть этого явления. С течением времени приходит переосмысление некоторых судьбоносных событий, благодаря которым мне посчастливилось оказаться в Саратовской консерватории и учиться именно у такого мастера, как

Лев Исаевич! Учиться не только исполнительскому мастерству, но и житейской мудрости — не останавливаться на достигнутом, всегда идти вперёд, и при этом не терять связь с прошлым, с культурными традициями, заложенными предыдущими поколениями! Мысленное общение с любимым Учителем продолжается до сих пор, его советы помогают мне за инструментом, в работе с учениками, во взаимодействии с коллегами. В ежедневной практике обязательно вспоминаются его слова, советы, меткие выражения, общий рабочий настрой в классе и творческая свобода в поиске художественных решений, даже манера поведения в некоторых ситуациях порой выбирается с позиции: «А как бы на моем месте поступил Лев Исаевич?»

Слова благодарности, к сожалению, несоизмеримы с тем базовым фундаментом, который послужил отправной точкой для многих выпускников класса Л.И. Шугома. По всей стране и за рубежом мы честно продолжаем профессиональное дело, которое было нам передано в буквальном смысле «из рук в руки», «из уст в уста», воспитываем в таком же духе своих учеников, и бережно храним память о нашем Учителе! Искренне уверена, имя Народного артиста РФ, профессора Льва Исаевича Шугома, вписанное в историю отечественного исполнительского искусства, по праву может считаться достоянием русской фортепианной школы!

Литвиненко (Бабкина) Юлия Александровна
кандидат педагогических наук,
профессор кафедры фортепианного искусства
Московского государственного
института музыки имени А.Г. Шнитке

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Лев Исаевич был для меня примером. Ориентиром. Нравственным, человеческим, музыкантским. Его человеческие качества — глубокая порядочность, благородство, кристальная честность, удивительная скромность и доброта — открылись для меня, когда я уже была студенткой консерватории, училась в классе Натальи Михайловны Смирновой. Лев Исаевич приходил на классные концерты, мог даже просто послушать в классе игру студентов, делился впечатлениями от музыки, своим исполнительским опытом, мог мягко что-то посоветовать. Я помню, что для меня это было невероятно волнительно — ещё бы, Лев Шугом! Прославленный музыкант, один из самых ярких артистов саратовского пантеона пианистов, его концерты собирали в консерватории всю музыкальную и околмузыкальную публику Саратова, которая его обожала; невероятные аншлаги, восторг и особое состояние взволнованной радости, творческого подъёма, желание играть, играть — всё это бережно хранится в памяти, и эта память — живая, она всегда со мной.

Виртуоз! Невероятный! Иногда казалось, что это на грани человеческих возможностей — ТАК играть. Поражала воображение не только космическая скорость быстрых темпов. Безупречная чистота и ясность интонации, гармония формы, гипнотический ритм, владение временем, масштаб мысли (всегда!). Это был какой-то фантастический риск, он бросал вызов — самому себе, автору, публике — и всегда выходил благородным победителем, ему восторженно рукоплескал покорённый зал. Доблесть виртуоза... Таким его помню, когда молоденькой девочкой (ещё студенткой музыкального училища) бегала на его концерты, каждый из которых был для нас, студентов, огромным событием, горячо ожидаемым, обсуждаемым «до и после», будоражащим и восхищающим. Его репертуар был огромным, включал все «боевики» фортепианной литературы. Концерты с оркестром Листа, Шопена, Рахманинова, Прокофьева, сонаты Бетховена, Моцарта, сочинения романтиков, камерная музыка, что бы он ни исполнял — это всегда восхищало и надолго оставляло в душе ощущение особого подъёма, творческого праздника, радости и волнения. Он вдохновлял, заражал нас, молодых, своим примером искреннего, преданного служения

музыке. И его звук! Особенный. Благородный блеск золота высшей пробы. Став старше, я уже понимала, что за блестящей, совершенной формой скрывается глубокое содержание. Никогда не забуду его исполнение Сонаты си минор, Испанской рапсодии Листа — мы с подружками специально ездили слушать эти пьесы в исполнении Льва Исаевича в Энгельс, на концерт в музыкальной школе (он обыгрывал листовскую программу перед концертом в Большом зале). Мы ездили слушать его обыгрывания, потому что хотелось это услышать не только раз или два... Его хотелось слушать. И помню Фантазию ре минор Моцарта, «Испанку» Листа на его последнем концерте... Конечно, никто тогда не знал, что он станет последним. Откровение, трепет, радость и глубокая боль в его игре сразили меня тогда. Помню, сказала Наталье Михайловне: «Мне кажется, это его лучшее исполнение Испанской рапсодии...» Потом долго не могла слушать эту пьесу в исполнении других пианистов, даже знаменитых виртуозов. Не хотелось трогать, исказить память того исполнения этой пьесы Львом Исаевичем. И до сих пор живёт в памяти его «Испанская рапсодия»...

Незаменимые есть. С ними ушла эпоха. Прекрасная эпоха расцвета саратовского фортепианного Олимпа. И почти опустел наш Олимп сейчас. Скольких великолепных музыкантов, наших непревзойденных мэтров мы потеряли! Анатолий Скрипай, Анатолий Катц, Натан Бендицкий, Валентин Ханецкий, Андрей Виниченко, недавно ушедший от нас Альберт Михайлович Тараканов... Невосполнимые потери! Незаменимые! Но осталась память сердца. И Лев Исаевич Шугом будет жить в этой памяти всегда. И благодарность осталась. Огромная благодарность Музыканту, выдающемуся Мастеру, доброму, чистому и благородному Человеку.

Назарьянц Жанна Викторовна

*доцент кафедры специального фортепиано
Саратовской государственной консерватории
имени Л.В. Собинова*

РЫЦАРЬ РОЯЛЯ: ЛЕВ ИСАЕВИЧ ШУГОМ



Лев Исаевич Шугом — выдающийся пианист, талантливый педагог, мудрый руководитель и организатор. Фигура многоплановая, уникальная, оставившая неизгладимый след как в истории Саратовской консерватории, так и шире — в отечественной музыкальной культуре.

Как пианист он поражал многообразием и значительностью своего репертуара, масштабом художественных замыслов, воплощённых в циклах монографических концертов. Так, в сезоне 1988/1989 им были исполнены четыре фортепианных концерта и «Рапсодия на тему Паганини» С. Рахманинова. В 1992/1993 годах состоялся марафон «Избранные фортепианные сочинения», включающий 6 сольных программ, сыгранных с интервалом в три дня между ними. Сезон 2000/2001 ознаменовался циклом из пяти концертов «Русская фортепианная и камерная музыка».

География творческих гастролей Льва Исаевича была весьма обширна. Его знали и любили как в России, так и за рубежом. Концерты пианиста проходили с неизменным аншлагом и были высоко оценены музыкальной критикой. Непререкаемый авторитет Шугома подтверждался его участием в жюри многочисленных международных и всероссийских конкурсов.

Будучи студенткой консерватории, я часто ходила на концерты мастера. Каждое выступление Льва Исаевича становилось значимым

событием в культурной жизни Саратова. Подкупал его самобытный исполнительский почерк. Для пианиста было характерно мощное истечение духовной энергии, где доминируют силы созидания. Они находили воплощение в динамизме, неукротимом напоре, мужественности, героическом пафосе его игры. Это особенно впечатляло в интерпретации пианистом Седьмой сонаты С. Прокофьева, Первого концерта и «Испанской рапсодии» Ф. Листа, «Исламея» М. Балакирева. Наряду с активно-волевым, напористым началом в его интерпретациях особое значение имела лирическая составляющая, отличающаяся вкрадчивостью интонаций, тонкостью и проникновенностью образов. Вспоминается исполнение Шугомом медленных вальсов Ф. Шопена, «Думки» П. Чайковского, «Вокализа» С. Рахманинова и многих других сочинений, обретающих у него глубокую содержательность и философскую многомерность. Примечательно, что исполнительский стиль мастера и даже его внешний облик во многом напоминал выдающегося пианиста современности Э.Г. Гилельса. Неслучайно он был одним из кумиров Шугома.

В западной прессе Льва Исаевича часто именовали «русским виртуозом», подчеркивая, что для него характерна «высочайшая концентрация пианистического мастерства». Так, по мнению обозревателя немецкой «Новой газеты» А. Штольберга, «если говорить об исполнении Льва Шугома, то здесь применима любая превосходная степень, так как очень редко удается переживать счастливые случаи, подобные тому, который выпал в этот вечер — полное слияние сути произведения и его интерпретации».

Когда я пришла работать на кафедру специального фортепиано в качестве педагога, Лев Исаевич уже был ректором. При невероятной загруженности на этом ответственном посту обращала на себя внимание его удивительная преданность инструменту. Продолжая много играть сольные, камерные программы, концерты с оркестром, активно гастролируя по России, странам ближнего и дальнего зарубежья, Лев Исаевич представлялся мне настоящим рыцарем рояля, в котором органично сочетались весьма ценные профессиональные и глубоко нравственные личностные качества. К числу последних можно отнести благородство, честность, порядочность. По собственному

признанию Льва Исаевича, он не терпел, когда унижают и оскорбляют человека. Пианиста отличала удивительная интеллигентность и тактичность, обусловленные его уважительным отношением к людям и врожденным чувством справедливости.

Шугом воспитал целую плеяду ярких музыкантов, настоящих профессионалов, продолжающих дело своего Учителя. Примечательна та теплота и любовь, с которой они неизменно отзываются о нём. В своих воспоминаниях ученики Льва Исаевича часто отмечают свойственную ему отеческую заботу, поддержку, а также присущий мастеру неизменный тонкий юмор и личное обаяние. В этом контексте вспоминается высказывание пианиста, адресованное, по его собственному признанию, себе и своим студентам: «Лучше не бояться и не сыграть, чем бояться и всё равно не сыграть». Это утверждение не теряет актуальности и в настоящее время. Оно призвано помочь ученикам справляться со сценическим волнением, неизбежно возникающим в процессе осознания большой ответственности перед слушателем.

Несмотря на приоритетное значение исполнительской, гастрольной деятельности в своей жизни, Лев Исаевич признавал существенное влияние педагогики на свой исполнительский стиль. Он неоднократно говорил о взаимообогащении этих двух сфер его деятельности. По его собственному утверждению, он учился не только у своих прямых педагогов (А.А. Сониной, С.С. Бендицкого, А.Л. Иохелеса, Л.Н. Власенко), но и в некоторой степени у студентов, что свидетельствует о его открытости новому, отсутствии шаблонов и подтверждает мысль о неустанном творческом поиске мастера.



Мастер-классы в Лимассоле (Кипр), 1998 г.

Одним из главных проектов жизни Льва Исаевича было открытие Школы для одаренных детей при Саратовской государственной консерватории. Этот факт подчёркивает особое значение для Шугома идеи становления музыканта-исполнителя и преемственности в его обучении, воспитания подрастающего поколения «с молодых ногтей» в русле единой комплексной системы музыкального образования, способствующей подготовке высококвалифицированных профессиональных кадров.

Многогранность личности Льва Исаевича, масштаб его дарования, а также достижения пианиста в различных сферах музыкальной деятельности давали ему возможность реализовать свой потенциал в любой стране мира, тем более что за рубежом, по его собственному признанию, с организационной точки зрения «всё было легче», «приём публики горячее и восторженнее». Однако Шугом был настоящим патриотом, удивительно преданным родному краю, Саратову. В одном из своих интервью пианист признавался: «Для меня Саратов — это не просто география. Это — люди!». В другом его интервью читаем: «Был период, когда на всеобщей волне возникла мысль: может быть, вообще переехать за границу и работать там? Тем не менее, никуда не уехал, и считаю, что правильно сделал. Жить хотел бы только в России». Думается, цельность личности Льва Исаевича, его могучее дарование сформировалось под влиянием тесной связи с родной землей и русской культурой. «Вся жизнь — это Родина. Родина — это то, что и кто тебя окружает на протяжении всей твоей жизни... Когда я нахожусь за рубежом больше двух недель, мне становится тяжело».

Такая верность самому себе, следование собственным убеждениям и нравственным установкам, подлинно рыцарское служение высокому идеалу искусства заслуживает самого глубокого уважения и восхищения, а также ставит имя Льва Исаевича Шугома в один ряд с выдающимися деятелями отечественной культуры нашего времени. Мы гордимся тем, что были современниками этой уникальной личности.

Сафонова Татьяна Викторовна

кандидат искусствоведения

доцент кафедры специального фортепиано
Саратовской государственной консерватории
имени Л.В. Собинова

НАВСЕГДА В МОЁМ СЕРДЦЕ...

Наверняка многие могут сказать, что в их жизни есть или были люди значимые и важные. Но часто ли бывает, что человек становится внутренним камертоном, по которому ориентируешься в жизни? Для меня такой человек — Лев Исаевич. Человек незаурядный, харизматичный, он обладал особым магнетизмом и на сцене, и в жизни. Обаятельный и энергичный, он сразу создавал особую атмосферу, где бы он не находился — будь то в классе на занятиях со студентами или проходя по коридору. Есть люди, которые громко говорят, громко ходят и таким образом заявляют о себе. Его же образ был чужд внешним эффектам и воздействовал красотой его Личности и Таланта.

Таким он был и за роялем. Вспоминаю уроки по специальности в 44-м классе. Он сидел чаще всего за роялем у стены, реже за столом. И часто играл сам, приводил самые разнообразные примеры из других произведений. Изредка подходил к окну, наверное, задумавшись. Часто цитировал М.Ю. Лермонтова, восхищаясь, что такой юный поэт чувствовал так глубоко. Уроки проходили на одном дыхании, в то же время каждый раз у меня было ощущение, что я уношу с собой что-то большое и важное.



А.Г. Долженко с Л.И. Шугомом

Говорят, учат не столько рекомендации и советы, сколько само присутствие Мастера. Иногда помогало просто сыграть Льву Исаевичу то или иное произведение, и начинало лучше получаться.

А какое вдохновение и импульс к новым свершениям давали поездки на конкурсы и гастроли вместе с Учителем! Мы, его студенты, чувствовали себя под защитой и нам даже каким-то образом передавалась его уверенность. А его чувство юмора восхищало и освобождало от скованности перед важным выступлением. Помню, как он пришёл приостановить мои занятия со словами: «Будешь так много заниматься — будешь лучше меня играть, заканчивай!»

Чувство меры у Льва Исаевича было какое-то феноменальное. Часто бывает, что музыкант выплёскивает свои эмоции и мысли через край, то ли не задумываясь, то ли специально. В случае Льва Исаевича было по-другому. Его игра была всегда со смыслом, с пониманием «сколько» и «зачем». Неизменно благородный, исполненный достоинства, он заполнял собой весь зал. Отсюда и полные аншлаги на его концертах и восторженная публика.

А со временем у него были совсем особенные отношения, и чутьё нужного момента и невероятная пунктуальность до мистики.

Чувствовал Лев Исаевич и людей, как мне казалось, до чтения мыслей.

Проницательный, добрый, мудрый, прекрасный семьянин, друг, Музыкант, Наставник... Всего не напишешь.

Как сказал А.П. Чехов: «В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли...», эти слова как нельзя лучше подходят к образу Льва Исаевича.

Спасибо Вам за всё, дорогой Учитель! Вы в моём сердце и в моей душе...

*Долженко Алла Геннадьевна
Доцент кафедры специального фортепиано
Саратовской государственной консерватории
имени Л.В. Собинова*

ПАМЯТИ ЛЬВА ИСАЕВИЧА

Со Львом Исаевичем я познакомилась, когда приезжала на прослушивание в консерваторию перед поступлением. Обаятельнейший, красивый, молодой, он блестяще показывал мой репертуар так, что заниматься мне захотелось долго и много. Он сразу поразил меня легкостью, с которой исполнял объемные отрывки из концертов Рахманинова, сонат Бетховена, произведений Листа. Это позже, уже поступив в консерваторию, я узнала и послушала значительную часть исполняемого им репертуара. Концерты Льва Исаевича всегда были событием и для консерватории, и для всего культурного Саратова. А особым праздником они были для нас, его учеников. Слушая его тонкую, проникновенную игру, я испытывала невероятную гордость и волнение за своего любимого Учителя. Обязательным ритуалом было поздравление Льва Исаевича после концерта в артистической. Как сейчас вижу его уставшего, опустошенного и часто не совсем довольного собой после выступления.

Исполнял Лев Исаевич свой обширный репертуар не только в Саратове. Он часто ездил с гастрольями по всей стране. Мне повезло, и я стала участницей его творческого проекта, когда с классом мы ездили в Балашов, Кузнецк и Майкоп. Концерты давали два вечера подряд. В первый играли студенты класса, во второй Лев Исаевич играл сольную программу. Это было

удивительное время, когда мы на практике занимались исполнительским мастерством. Помню, как Лев Исаевич учил, что с одинаковой отдачей и отношением к делу надо играть и в сельском клубе, и в Большом зале консерватории. Там же в поездках я видела, насколько строг и требователен к себе Лев Исаевич. Обязательно на следующий день после концерта проходил всю программу в средних темпах, прорабатывая детали. И никакие погодные условия или усталость не могли ему помешать.

Так же строг он был к нам, своим ученикам. Он воспитывал нас не только профессиональными музыкантами, но и культурными, порядочными людьми. Воспитывал своим примером, работой, отношением к нам на равных, как к коллегам. Никогда не опаздывал сам и не позволял нам, ни на минуту. Это ведь тоже часть воспитания!

Необыкновенно великодушный, бескорыстный, щедрый, мудрый и строгий, прекрасный музыкант. Благодаря его школе, общению с ним, я в своей профессиональной жизни чувствую себя защищенно и уверенно.

Арина Лобанова (Огнещикова)
преподаватель, концертмейстер
Детской школы искусств г. Новоаганск
Ханты-Мансийский автономный округ
выпуск 1993 года

Из книги «Лев Шугом в воспоминаниях
учеников». Сборник статей, Саратов 2019 г.



С Ариной Лобановой (Огнещиковой) (выпуск 1993 г.) после концерта. г. Новоаганск (ХМАО) 2001 г.

В ПАМЯТЬ О МОЕМ УЧИТЕЛЕ, ПРОФЕССОРЕ ЛЬВЕ ИСАЕВИЧЕ ШУГОМЕ

Сегодня день рождения Льва Исаевича, в который он, к сожалению, уже не с нами. Вспоминая моего дорогого учителя, я вспоминаю его высочайший профессионализм, его глубокие и проникновенные интерпретации музыкальных произведений, его бриллиантовую искромётную технику, и его яркий педагогический талант.

Я также вспоминаю его открытое и честное отношение к жизни и людям, не допускающее ни двойственности во взглядах, ни стремления достичь своих целей за счёт других.

Лев Исаевич обладал мощнейшей силой воли и твёрдостью духа, что всегда меня восхищало и служило примером для подражания. Определённо, воспитывая во мне профессионального пианиста, Лев Исаевич передал мне и часть своего характера. Именно эти качества давали мне силы и энергию для преодоления всевозможных

трудностей в новой стране и для достижения новых жизненных вершин.

И конечно, я не могу не вспомнить то потрясающее чувство юмора и талант рассказчика, которым Лев Исаевич обладал в совершенстве.

До сих пор трудно осознать и принять, что Льва Исаевича нет с нами. До сих пор ощущаю его присутствие, как будто и не прошло почти тридцати лет со дня моего окончания консерватории. И я уверена, что это чувство останется со мной на всю жизнь, и память о Льве Исаевиче всегда будет светлой.

Екатерина Фетисова

доктор математической статистики

методист-статистик,

Статистическое Управление Швеции

г. Стокгольм

выпуск 1998 года

КАМЕРТОН ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

С 1996 по 2004 год я училась в Саратовской консерватории и аспирантуре в классе Льва Исаевича Шугома. Впоследствии была учёба в Венском университете музыки, ещё одна аспирантура, мастер-классы у многих замечательных педагогов. Их опыт обогатил меня, но влияние Шугома оставалось определяющим. Льва Исаевича давно нет с нами, но его присутствие в моей жизни становится всё более отчётливым — как внутренний камертон, по которому невольно сверяешь себя: в профессии, в решениях и поступках, в верности собственным идеалам. Он стал невидимым мостом, тонкой, но прочной ниточкой духовной связи с Россией и её музыкальной традицией — тем, что поддерживает меня во всех начинаниях.

В студенческие годы многое воспринималось буквально: требования, замечания, строгость, шутки, репертуарные запреты и разрешения. Казалось, главное — что сыграть, как сыграть, на каком уровне. Со временем я всё глубже понимала: Лев Исаевич учил нас не только фортепианной игре. Для него всегда первостепенными были человеческие качества: порядочность, ответственность, уважение к времени, своему и чужому. Эти принципы были нормой жизни класса.

Годы работы вне России придали этим урокам особую глубину. То, что тогда казалось строгостью, оказалось формированием внутреннего стержня: держаться без внешней поддержки, работать без аплодисментов, продолжать, когда результат ценен сам по себе. Лев Исаевич вселил в меня веру в собственные силы, и это помогает мне сохранять внутренний ориентир вне зависимости от внешнего признания. «Ты сначала сыграй» — эта его короткая, но ёмкая фраза давно вышла за рамки музыки. Она стала формулой отношения к жизни: не оправдываться, не доказывать, а делать своё дело честно, насколько можешь.

Педагогическая сила Льва Шугома проявляется в учениках, которые передают эту традицию дальше. Его уроки продолжают жить в каждом, кто был с ним рядом, а память о нём согревает, вдохновляет и помогает настраиваться среди шума и суеты.

февраль 2026

Елена Маишталова

Австрия, г. Вена



С Екатериной Фетисовой, (выпуск 1998 г.)
Встреча в Стокгольме, 2007г.



С Еленой Маисталовой и Натальей Саночкиной
(Киреевой) на Международном конкурсе
пианистов в Австрии. 2005 г.

ОБРАЗ ЛЬВА ИСАЕВИЧА ШУГОМА, КАКИМ Я ЕГО ПОМНЮ

Сонет 101

*О ветреная муза, отчего,
Отвергнув правду в блеске красоты,
Ты не рисуешь друга моего,
Чьей доблестью прославлена и ты?*

*Но, может быть, ты скажешь мне в ответ,
Что красоту не надо украшать,
Что правде придавать не надо цвет
И лучшее не стоит улучшать.*

*Да, совершенству не нужна хвала,
Но ты ни слов, ни красок не жалея,
Чтоб в славе красота пережила
Свой золотом покрытый мавзолей.*

*Нетронутым - таким, как в наши дни,
Прекрасный образ миру сохрани!*

Уильям Шекспир.

Как странно устроена человеческая память и как переплетены все жизни. Спустя столько лет я вижу все встречи с этим дорогим мне человеком, как фильм, слышу его голос так же живо, как это было тогда.

«Таня, не забывайте нас!» — уверенно, просто и сильно сказал мне Лев Исаевич при последней нашей встрече, когда я принесла ему привет и номер телефона от его далёкого друга, пианиста Игоря Лаврова (Каракас, Венесуэла). Это только кажется, что встречи случайны. В самолёте Париж-Москва, в небе, совершенно случайно

знакомимся с человеком, и три часа непрерывно разговариваем о музыке, Рахманиновских каденциях и о Лёве Шугоме, с которым они учились в Москве в Гнесинской аспирантуре.

Все помнят всё и всех.

Я не была студенткой Льва Исаевича Шугома, но ощущаю его своим Учителем и Наставником. Очень много светлых юношеских воспоминаний связано с его яркой личностью.

В то время Саратовская консерватория курировала Тамбовское музыкальное училище им. С.В. Рахманинова. Лев Исаевич часто играл в нашем историческом зале с прекрасной акустикой. Именно тогда началось мое знакомство с этим замечательным Музыкантом.

Мы всегда с нетерпением ждали его приездов в наш город и бежали на его концерты. Его игра — артистичная, яркая, виртуозная, блестящая, темпераментная, стихийная и поэтичная — увлекала, захватывала, вдохновляла.

На мастер-классах Лев Исаевич поражал необыкновенной эрудицией, владением обширным репертуаром, огромным количеством цитат и параллелей из фортепианного и симфонического наследия. Концертирующий исполнитель и педагог владел целым спектром музыкальных примеров, щедро делился фортепианными приёмами.

Всегда энергичный, оптимистично настроенный, замечательный рассказчик с прекрасным чувством юмора.

Часто мне выпадала честь переворачивать ему ноты во время выступлений в составе фортепианного дуэта. Постоянным партнёром был мой будущий Учитель — А.Е. Рыкель — ещё один прекрасный саратовский музыкант, профессионал, к которому Лев Исаевич привёл меня в свое время и передал в добрые руки. В те моменты я очень сожалела, что не могу наслаждаться из зала их великолепной слаженной игрой.

Позже, разумеется, я поняла, какое счастье было находиться рядом, сначала за сценой, наблюдая процесс эмоциональной подготовки к выступлению, ловя искромётный закулисный юмор и моменты сосредоточения, и присутствовать на сцене, в процессе творения музыки, буквально ощущать бешеную энергетику. Нотные страницы летали, сердце билось в стремительном головокружительном темпе музыки... Это был Рахманинов! Фортепианные сюиты, Симфонические танцы, Русская рапсодия.

В Консерватории Лев Исаевич всегда проявлял внимание и участие, тёплое, отеческое отношение, поддерживая нас добрым словом, улыбкой и напутствием. Он всегда нас учил и воспитывал, вдохновлял и окрылял. Учил отношению к профессии, к музыке, к пониманию себя в ней. Давал точные и меткие комментарии с юмором. Мудро, деликатно, уверенно и сильно.

Будучи всегда подвижным, активным и бодрым, он заряжал и заражал своей жаждой жизни и музыки.

На 3 курсе пригласил поехать в Москву на концерт педагогов кафедры специального фортепиано, в котором играли Л. Шугом, А. Скрипай, Н. Бендицкий, А. Катц... Целая плеяда ярких музыкантов-Личностей! Мы, студентки, были счастливы: Шеф пригласил! Сорвались, поехали, были группой поддержки, гордились бесконечно, помню Рахманиновский зал, цветы и их светлые лица... Счастье!!!

Часто приглашал на классные прослушивания, настаивал на участии в «разборах полётов». Тогда я очень гордилась этим фактом и немного удивлялась. Опять же позже поняла, что это было. А он учил. Учил слышать, учил говорить и формулировать. Не объясняя и не навязывая, а показывая главное. А понимание главного пришло позже, уже в процессе моего преподавания. Главное — это любить музыку, учеников, иметь своё мнение, и самое главное — это корректное и уважительное восприятие творчества коллег. Вне зависимости — ученик это или преподаватель. Студент, ученик — это тоже коллега-музыкант, в совместном поиске и прикосновении к

великим творениям создателей-композиторов. В этом плане мне очень повезло с Учителями, которые не назидали, а приглашали с собой в поиски истины.

Заповедь Льва Исаевича — «Верьте только себе!» — всегда со мной.

Лев Исаевич всегда держал себя в прекрасной исполнительской форме. Вне зависимости от погоды, времени года, самочувствия. Всегда шёл утром заниматься в консерваторию. Этим системным отношением к профессии и к себе просто восхищал. Потрясала сила и воля характера настоящего Музыканта.

Титан. Гигант. Постоянные концерты. Огромные богатырские программы. Богатейший репертуар. Всегда блестяще, ярко, мощно, темпераментно, виртуозно.

*Только чуткие пальцы коснутся
Чёрно-белой палитры рояля,
Как по залу тотчас разнесутся
Гордых звуков огромные стаи.
В многоцветном букете мелодий
С придунайской равнины холмистой
Узнаю дух Венгерских рапсодий
Пылко-страстного Ференца Листа.
Александра Онокой. 1994 г.*

Свежи воспоминания: Соната №7 и «Наваждение» Прокофьева, Большая соната Чайковского, Соната си минор Листа, его же «Испанская рапсодия», «Мефисто-вальс», «Исламей» Балакирева, много сочинений Шопена, Бетховена. Много выступал с оркестром, играл все Концерты Рахманинова, Листа. И ещё много-много прекрасной музыки.

Всегда ждала блестящий бис — Марш из оперы «Любовь к трём апельсинам» Прокофьева. И на юбилейном концерте, на бис... на пианиссимо, проникновенно, тонко и печально... Мендельсон «Песня без слов» и Рахманинов Этюд-картина соль минор... до сердца, до слёз... Его душа навсегда поселилась в Саратовской консерватории. Ощущалось его присутствие на Третьем конкурсе имени С.С. Бендицкого. Дети с трепетом в сердце посвящали ему свои выступления. Он был с ними, поддерживал...

С любовью, уважением, огромной благодарностью и низким поклонном большому Музыканту и Учителю.

Татьяна Чубарова (Пузанкова)
преподаватель Детской школы искусств
им. В.В. Ковалёва
г. Саратов
выпуск 1993 года

ЛЮБИМОМУ УЧИТЕЛЮ

Вспоминая годы своей студенческой жизни, могу с уверенностью сказать, что, несмотря на невероятную красоту Консерватории и прекрасные достопримечательности города Саратова, главным украшением, ярким солнцем, бриллиантом для меня был Лев Исаевич — мой тыл. В нашей жизни встречается фраза: «быть как за каменной стеной». Именно благодаря Льву Исаевичу я действительно осознала, что это такое.

Всегда поражала его твёрдая позиция, честность, непоколебимость, борьба за правду. Восхищала его стойкость духа, сила воли, безумное трудолюбие, стремление созидать, отсутствие жалости к себе и абсолютная преданность своему делу. Волей-неволей мое полное погружение в эту атмосферу в студенческие годы и наблюдение изо дня в день за процессом работы крупного музыканта не прошло бесследно. Тогда Лев Исаевич был моим тылом, сейчас он мой маяк. Очень стараюсь соответствовать, быть достойным продолжателем и последователем его школы.

Бывают такие ситуации, когда кто-то из ведущих столичных музыкантов приезжает к нам в г. Рязань для проведения мастер-классов или в качестве членов жюри на конкурс, и в каких-то мимолетных разговорах вдруг выясняется, что коллеги знают Льва Исаевича, например, работали вместе с ним в жюри. И когда я чувствую их отклик (хотя это ведь случайный эпизод, возникший в беседе), то удивляюсь тому, что время идёт, жизнь не стоит на месте, а имя Льва Исаевича до сих пор продолжает звучать. Не только в моих, но и в чьих-то устах. Особенно отраднo слышать добрые слова в его адрес от тех, кто мимолётно появляется конкретно в моей жизни.

В современной педагогической практике участие в исполнительских конкурсах обычно связано с необходимостью накопления творческих достижений для успешного прохождения аттестации на соответствующую квалификационную категорию. Но есть один конкурс, в котором мои ученики будут принимать участие просто потому, что он посвящен памяти моего Учителя, и для меня это «святое» дело. Речь идет о Всероссийском детском конкурсе пианистов имени Льва Исаевича Шугома (г. Саратов). Это дань уважения и преданности, мой поклон и благодарность ему за то, что дал возможность быть среди его учеников и последователей.

Однажды летом я со старшей дочерью Татьяной впервые отдыхала на море в Лазаревском. И в какую-то ночь мне приснился Лев Исаевич. Утром, находясь с дочкой на пляже и все думая про свой сон, я не выдержала и позвонила ему. И каково же было мое удивление, когда он сказал, что сейчас едет в поезде в южном направлении и завтра будет проезжать Лазаревское. На следующий день мы с Таней стояли на перроне, чтобы встретиться со Львом Исаевичем. Это была наша последняя встреча при его жизни. Подарок судьбы! Чудеса бывают!

Лев Исаевич регулярно появляется в моих мыслях. Я часто за него молюсь. Очень-очень люблю. Низко кланяюсь. Благодарю судьбу за такого человека в моей жизни.

Я верю, Лев Исаевич, что у Вас ТАМ все хорошо! Очень-очень люблю!

Козлова (Тимошкова)

Наталья Валентиновна

*Преподаватель, концертмейстер,
зав. отделом дополнительных дисциплин
МБУДО «Детская музыкальная школа №5
имени В.Ф. Бобылева,» г. Рязань*



В 44 классе.
1 ряд Н. Саночкина (Киреева), А. Степанова,
2 ряд Е. Маисталова, Н. Тимошкова, Н. Ковалик,
Ю. Бабкина (Литвиненко), М. Грачёва (Хабарова)
1999 г.

КОДЕКС ЧЕСТИ ЛЬВА ШУГОМА

К 80-летию со дня рождения любимого Учителя

Чаще всего имя Льва Исаевича Шугома связывают с образом благородного и блестящего рыцаря — как в искусстве, так и в человеческом общении. На основе слышимых от него советов и наставлений я позволила себе помечтать — какие идеалы, ценности и жизненные принципы могли бы составить его профессионально-этический Кодекс чести.

Стоит сказать, что приведённые мысли никогда не декларировались Львом Исаевичем с высокой трибуны и не были отлиты в бронзе, но они звучали в тишине класса после сыгранной студентом программы, читались в строгом, но полном заботы взгляде, воплощались в его легендарной выдержке на концертной эстраде. И по сей день мудрые наставления нашего дорогого и незабвенного Льва Исаевича являются для нас, учеников его класса, тем самым нравственным камертоном, по которому мы сверяем наши жизни.

О служении профессии и следовании долгу:

- Выполнять всё согласно договоренности, невзирая на трудности. Слово — это обязательство.
- Время — главный и невосполнимый жизненный ресурс. Важно ценить свое время и уважать чужое. Пунктуальность — основа уважения.
- Дисциплина — не муштра, а возможность, позволяющая эффективно трудиться даже в неблагоприятных условиях.
- Всегда быть готовым исполнить что-либо из наработанного репертуара — фортуна стучится только к тем, у кого есть что ей предложить.
- Никогда не выходить на сцену с невыученным или «сырым» произведением. Зачем подставляться?
- Работа спасает от всех невзгод. Следует самозабвенно погружаться в материал.
- В момент исполнения волнению не останется места, если голова будет занята решением конкретных задач. Свято место пусто не бывает.
- Сердце может быть сколь угодно горячим, но голова должна оставаться холодной. Разум должен преобладать над «чуйствами».

Об искусстве и мастерстве:

- Не стоит искать лёгких путей в музыке. Истинная красота рождается в преодолении.
- Важно обращать внимание на детали. Целое создаётся из мелочей.



*Афины, Греция, 2005 г.
Концерт с греческим военным оркестром*

- Сначала необходимо исполнить всё, что написано в нотах. Авторский текст самодостаточен, и, если честно ему следовать, добавить будет нечего.
- Выразительность заключается в качестве звука, а не в темповых колебаниях.
- Нельзя неразыгранным выходить в зал — будь то даже репетиционный процесс.
- Работоспособность и выносливость — такие же профессиональные навыки, как и беглость пальцев.
- Важно не только освоить исполнительское ремесло на должном уровне, но и научиться грамотно и уважительно высказываться относительно своей и чужой игры.

Об учениках и педагогике:

- Разбудить творческую инициативу ученика важнее, чем дать готовый ответ.
- Не всему можно научить, но можно только научиться.
- Лень и забывчивость можно простить ученику, но небрежность в деле — нет.

- Главное — чтобы человек был хорошим. А научить «нажимать на кнопки» можно практически любого.

- Важно предельно ясно словами формулировать педагогические задачи.

- Необходимо уважать мысли и чувства ученика и бережно исправлять то, что требует исправления.

- Необходимо оставлять ученику право на ошибку. Иногда это самое сложное, но и самое важное.

- Ни к чему сравнивать себя с другими, гораздо важнее сравнивать себя сегодняшнего с собой же вчерашним. Вопрос не в том, чтобы кого-то превзойти в мастерстве, а в том, чтобы максимально полно раскрыть свой собственный потенциал.

О человеческом достоинстве:

- В любой, даже самой напряжённой ситуации следует сохранять своё лицо и не терять самообладания.

- Всегда необходимо чувствовать за собой силу и возвращать её в себе.

- Ни на кого и ни при каких обстоятельствах не стоит смотреть снизу вверх. И никому не позволять смотреть так на себя.

- Приznak большого сердца не столько в проявлении сострадания к человеку, оказавшемуся

в бедственном положении, сколько в способности искренне разделить радость чужого успеха.

- В жизни надо рассчитывать только на самого себя. В этом большая личная ответственность, но и большая свобода.

- Важно быть требовательным прежде всего к самому себе.

- Необходимо уметь признавать свои ошибки. И тут же исправлять их.

- Не стоит бояться трудностей — они укрепляют характер. Сталь закаляется огнем.

- Никогда не предавать своих принципов и не изменять значимым убеждениям.

Мария Садритдинова

*Концертмейстер, младший научный сотрудник
Московского государственного
института музыки
имени А.Г. Шнитке*



С Марией Садритдиновой и её ученицей

УРОКИ, КОТОРЫЕ ЗВУЧАТ В СЕРДЦЕ: ПАМЯТИ МОЕГО УЧИТЕЛЯ ЛЬВА ИСАЕВИЧА ШУГОМА

В 2026 году мы отмечаем 80-летие со дня рождения выдающегося музыканта и педагога, профессора, Народного артиста России Льва Исаевича Шугома.

Трудно найти более воспитанного, следующего своим принципам, дисциплинированного, внимательного человека, чем Лев Исаевич. Он всегда выглядел безукоризненно: стильно и элегантно одет, гладко побрит, во всём знал меру. Профессор многому учил нас своим примером, относился к себе строго и достаточно самокритично. Не терпел неаккуратности как в игре на рояле, так и в отношении внешнего вида и любил приводить меткую фразу: «Обращайте внимание на детали».

Что касается «деталей» в музыке, он не разрешал делать в нотах ни одной пометки, просил запоминать всё и сразу, и держать это в голове. Предельно внимательно и уважительно наш учитель относился к нотному тексту. Он не терпел, если играющий менял авторские нюансы или добавлял в аккорд лишнюю ноту. В конце каждого урока, после подробного анализа исполнения, высказанных замечаний и пожеланий, Лев Исаевич давал время на то, чтобы ученик внимательно посмотрел сначала и до конца нотный текст, запомнил все указания, и только тогда отпускал. Он говорил, что не должен повторять замечание по второму разу, добивался от нас, чтобы мы исправили ошибку тут же, на уроке. Конечно, не всегда удавалось запомнить всё с первого раза, но Лев Исаевич помнил всё, и никогда не повторялся ни в своих высказываниях, ни в шутках. Меня всегда удивляло, как ясно он смотрел в самый корень проблемы. Почему у ученика не выходит тот или иной пассаж, фрагмент произведения. Сразу находил решение проблемы, мог сходу подобрать такую удобную аппликацию, что всегда вызывало у меня восхищение.

Профессор никогда не повышал на нас голос, одного его взгляда, характерного вздоха было достаточно, чтобы привести студента в чувство. Если студент играл неподобающим образом, неряшливо, грязно, у Льва Исаевича портилось настроение, он начинал громко вздыхать, смотря с грустью в окно, что усугубляло положение играющего, который начинал спотыкаться ещё сильнее, а теперь и вовсе ждал, чтобы это испы-

тание на прочность закончилось побыстрее. В такие моменты хотелось провалиться под землю! Когда, наконец, брался последний аккорд, студент быстро убирал руки с клавиатуры и с содроганием сердца ждал сурового вердикта. Учитель, в свою очередь, делал глубокий вздох, выжидал долгую паузу, и потом начинал говорить... Такие его действия, безусловно, стимулировали нас более качественно заниматься и впредь больше не приходить на урок с такой подготовкой.

Вспоминается случай, когда я первый раз принесла на урок только что разобранный Скерцо b-moll Шопена. Играла в среднем темпе, по нотам, и некоторые эпизоды у меня не выходили. Тогда Лев Исаевич сел за рояль и сыграл Скерцо так лихо, блестяще, что я не могла не слушаться. Хотелось, чтобы он играл ещё и ещё. Те моменты, что у меня не получались он играл так легко и здорово, что приводило меня в восторг, и до конца произведения я стояла с широко раскрытыми глазами! После его исполнения я не могла и слова произнести. Но учитель наверняка увидел мою реакцию и сказал: «Ну что, поняла, как это место нужно играть? Что тут сложного-то?!».

Он ограждал нас от слепого копирования. Накануне классного прослушивания я решила послушать запись Первого концерта Рахманинова в исполнении самого автора. Вдохновлённая его игрой, я схватила экстремально быстрый темп в третьей части. Первое, что сказал профессор после моего исполнения: «Ты слушала Рахманинова накануне? Те темпы, которые брал Рахманинов можно брать только самому Рахманинову!».

Лев Исаевич очень бережно относился ко времени — и музыкальному, и астрономическому. Я всегда восхищалась тем, как он грамотно и чётко планировал свой распорядок дня. Он успевал всё! Вести ректорскую работу, совмещая её с блестящей концертной деятельностью, успевал регулярно заниматься сам, тщательно работал с учениками и даже иногда, спускался в физкультурный зал и мог сыграть несколько партий в настольный теннис. Наш учитель был чрезвычайно пунктуальным человеком, чего требовал и от нас. Мы и подумать не могли опоздать к нему на урок хотя бы на одну минуту!

Хотелось бы коснуться вопроса выбора программы. На первых трёх курсах Лев Исаевич придерживался чёткой классической структуры в программе, на 4 и 5 курсах в основном, играли свободную программу, но обязательным было наличие концерта для фортепиано с оркестром, где партию оркестра исполнял сам профессор за вторым роялем. Программу мы подбирали сами себе, обязательно в трёх вариантах. К примеру: 3 полифонических цикла; 3 произведения крупной формы, несколько разнохарактерных пьес, и обязательно этюды на разные виды техники. Далее, на собрании класса обсуждалась программа каждого студента, как правило, начинали со старшекурсников.

Особенным мероприятием для всех нас были классные прослушивания, которые проводились трижды в семестр. Они устраивались с начала ноября, а весной, в конце марта — начале апреля, по субботам, в 9 или 10 утра, и длились, в среднем, по 4–5 часов. Приоритет в выборе того, кто начнёт играть первым, отдавался старшим курсам. Лев Исаевич слушал нас за своим столом, мы рассаживались прямо за спиной играющего. Каждый из нас, перед своим выступлением подробно озвучивал свою программу, это важно — объявить внятно и правильно: не ХТК, а Хорошо Темперированный Клави́р, прелюдия и фуга «...». Если кто-то из нас забывал назвать опус произведения, к примеру, сонат Бетховена или этюдов-картин Рахманинова, то наш учитель устраивал капитальный коллоквиум по творчеству этого и других композиторов. Поэтому, подобные оплошности мы старались не допускать. Выступление не прерывалось комментариями. После того, как студент отыграл, Лев Исаевич спрашивал, хочет ли кто-нибудь высказаться по поводу игры N. Мы делились своими мнениями и пожеланиями. Он учил нас анализировать игру одноклассников, подчёркивать сильные и слабые стороны, при этом нужно было говорить не общими фразами, боясь обидеть, а честно, грамотно, чётко и логично излагать свои замечания. Затем начинал говорить наш учитель. Некоторым студентам, которые позволяли в своём исполнении много вольностей, он приводил знаменитую цитату Станиславского: «Любите искусство в себе, а не себя в искусстве». Когда студент играл холодно, неискренне, профессор снова цитировал Станиславского: «Не верю!». Хвалил не часто, но, когда из его уст звучала похвала — это

очень грело душу и стимулировало заниматься ещё больше. Но иной раз замечания были такими хлёсткими, что действовали отрезвляюще, как холодный душ!

Лев Исаевич давал сольные концерты каждое полугодие. Не знаю, совпадение это или нет, но в каждую свою программу он включал одно или пару произведений, которые играл кто-то из нас, его учеников. Тем самым, он показывал классический образец исполнения, давая стимул творческому развитию.

Несмотря на всю строгость характера, Лев Исаевич всегда помогал нам в решении той или иной проблемы, стоял горой за каждого студента. Он был добрым, заботливым человеком и имел искромётное чувство юмора. Перед каждым выступлением учитель вселял в меня уверенность. Я чувствовала защиту и поддержку, будто за ним — как за каменной стеной. Как-то раз, учась на первом курсе, я поделилась, что очень волнуюсь перед экзаменом по специальности, на что услышала следующий ответ: «Правильно, волнуйся! Но только до выхода на сцену. Лучше не бояться и не сыграть, чем бояться и всё равно не сыграть. Если человек в своей голове оставляет место для боязни, чувство волнения на сцене, это значит, что голова его занята не тем, и, следовательно, нет смысла выходить на публику. Нужно стараться держать постоянный контроль над собой, исключить все посторонние мысли из головы и думать только о том, что и как я играю, каждую секунду, каждое мгновение. Холодная голова и горячее сердце!» — говорил он.

Я не слышала игру Льва Исаевича вживую до своего приезда в Саратов (в 2013 году), но мне казалось, что выражению «холодный разум и горячее сердце» он следовал каждый свой концерт. Виртуозность и безупречное качество его исполнения поражало, а тонкость и проникновенность брала за душу, и иногда, от некоторых лирических фрагментов начинали течь слёзы.

Меня настолько трогала его игра, что потели ладони; он приковывал к себе внимание, и я проживала с ним каждую фразу. На концертах Льва Исаевича был аншла́г. Люди ждали его концерты как огромное событие и праздник музыки! Откладывали свои дела, и, несмотря на плохую погоду, пробки на дорогах и другие обстоятельства, зал всегда был полон, и было море цветов в благодарность маэстро. Лев Исаевич негодовал, как можно играть концерты «для га-

лочки», считал это непозволительным, и делился откровением, что после концерта он сбрасывал пару-тройку килограммов... настолько ответственно и с такой гигантской самоотдачей он относился к своему делу жизни.

У Льва Исаевича был принцип не выходить на сцену не «обыгравшись» несколько раз в музыкальных школах, а также перед кафедрой, что ещё более волнительно и ответственно, этому он учил и нас. И всегда говорил: «Чудес не бывает». Если произведение было в недостаточной степени подготовлено — наш учитель не позволял выйти нам на сцену, ведь для него выход на сцену был чем-то святым. Он говорил: «Не надо подставляться». Обучаясь в классе Льва Исаевича, мы были готовы к выступлениям всегда, потому что он настолько закалял нас на уроках, классных прослушиваниях, что, выходя на

эстраду, мы чувствовали уверенность в себе и его моральную поддержку.

За все годы обучения Лев Исаевич дал мне много драгоценных знаний и мудрых советов, за что я бесконечно ему благодарна. Лев Исаевич навсегда останется в моём сердце светлым, добрым, честным и искренним, сильнейшим духом человеком. Для меня было огромным подарком судьбы повстречать на своём пути такого Великого мастера. Пусть память о Льве Исаевиче живёт в сердцах всех тех, кто имел честь учиться у него и работать рядом.

Моисеева Любовь Валерьевна
преподаватель кафедры фортепиано
и кафедры специального фортепиано
Саратовской государственной
консерватории имени Л.В. Собинова

ЛЕВ ШУГОМ. ЧЕЛОВЕК-КАМЕРТОН

Лев Исаевич Шугом — одна из тех редких фигур в российской музыкальной культуре, о которых хочется говорить не только языком биографических фактов, но и языком образов, памяти, человеческой благодарности. В его судьбе удивительным образом соединились талант пианиста, дар педагога, внутренняя требовательность и редкая человеческая деликатность, благодаря чему он стал для многих учеников не просто профессором, а точкой опоры, внутренним ориентиром на всю жизнь.

Лев Исаевич родился 8 марта 1946 года в Саратове — городе, чья музыкальная атмосфера с его консерваторией, филармонией, богатыми традициями академического искусства во многом определила его дальнейший путь. С ранних лет он оказался в пространстве, где музыка была не отвлечённым занятием, а живой речью культуры: учёба, первые выступления, знакомство с большим репертуаром формировали в юном музыканте особое отношение к профессии как служению, а не ремеслу. Учёба в Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова стала для него логичным продолжением этого раннего погружения. Здесь он не только получил фундаментальную профессиональную подготовку пианиста, но и сформировался как художник, для которого важны были и глубина стиля, и честность по отношению к авторскому тексту, и внутренняя свобода интерпретации.

После окончания консерватории Лев Исаевич прошёл ассистентуру-стажировку и довольно рано вступил на педагогический путь, который в итоге станет главной осью его жизни. Уже в 1982 году ему было присвоено звание доцента,



С Юлией Коховой и Еленой Лигостаевой в день вручения дипломов, 2009 г.

в 1995 году — профессора, что зафиксировало не только его статус в академической иерархии, но и признание коллегами его исключительного педагогического дара.

Особая страница — ректорство в Саратовской консерватории, которую он возглавлял с 2008 по 2016 год. На этом посту он одновременно оставался артистом и педагогом, совмещая административную должность с живым участием в учебном процессе и концертной жизни вуза, и для многих студентов он был не «руководством», а первым слушателем и самым строгим, но справедливым критиком.

Коллеги нередко говорили о нём как о человеке, который умел бережно продолжать традиции школы и в то же время смотреть в будущее. Он воспринимал консерваторию как живой организм, где важна не только учебная деятель-

ность, но и атмосфера доверия, требовательности и подлинной любви к музыке — той самой, о которой говорил студентам на занятиях.

Педагогическую работу Лев Исаевич органично сочетал с активной исполнительской деятельностью, никогда не позволяя себе «уйти» только в кабинетную работу. Его репертуар отличался широтой: русская, зарубежная музыка, музыка XX века.

Самобытный и тонкий музыкант, он был тем редким исполнителем, чья виртуозность никогда не заслоняла содержание. Концерты Льва Исаевича в стенах Саратовской консерватории становились событиями не только художественными, но и духовными. Список стран, где звучала его игра, впечатляет: Беларусь, Украина, Германия, Нидерланды, Греция, Австрия, Италия, Кипр, Финляндия, Португалия, США, Испания. Эти гастроли были не просто чередой поездок — каждое выступление становилось своего рода визитной карточкой саратовской пианистической школы, которую он представлял с чувством высокой ответственности, в чьём исполнении соединялись безупречный вкус, ясность стиля, внутренняя собранность и удивительная энергия. Его трактовки концертов Рахманинова и Чайковского, о которых вспоминают слушатели, запоминались редкой цельностью и мощью внутреннего напряжения, когда за каждой фразой чувствовалась огромная работа мысли и чувства.

Есть такие люди-галактики, масштабные, точные и чистые как камертон, способные задавать «настройку» пространства вокруг себя, делая его более собранным, честным и устремлённым к высокому. Таким был Лев Исаевич. В работе он был строг к себе и требователен к ученикам, но эта строгость никогда не превращалась в холодную формальность. Его занятия отличались особой концентрацией: он умел точно сформулировать замечание, найти нужное слово, иногда одно-двухсловное определение, меняющее представление студента о произведении. Такая лаконичность всегда опиралась на глубину опыта и чуткость представлений. Класс Льва Исаевича вспоминают как сплочённую доброжелательную семью, где каждый студент чувствовал не только ответственность за собственную игру, но и сопричастность общему делу. Перед зачётами и концертами мы играли друг другу программы на классных прослушиваниях, выносили программу на общее обсуждение, делились впечатлениями, учились не только выступать, но и слушать — это было важной частью воспитания профессионального мышления. Обстановка в классе была строгой, но доброжелательной: требовательность сочеталась с глубокой верой в возможности

каждого, кто приходил учиться к Льву Исаевичу. Особенно значимо и ценно было то, что рядом с ним мы чувствовали себя частью важного сообщества в вузе. Это ощущение принадлежности к школе, к традиции, к живой передаче ремесла и духа — одно из главных наследий Льва Исаевича как педагога. Его слово и пример продолжают работать уже тогда, когда выпускники покинули консерваторию, становясь педагогами, артистами, организаторами музыкальной жизни в разных городах и странах. Внешне сдержанный, внутренне очень цельный, Лев Исаевич отличался редким сочетанием принципиальности и такта. Он был пунктуальным, точным, всегда щепетильно относящимся не только к слову и делу, но и к внешнему виду. Для него не существовало мелочей: рабочая дисциплина, уважение к людям, честное отношение к партитуре были аспектами одного и того же нравственного выбора.

Профессиональное сообщество высоко оценило его вклад: в 1989 году Льву Исаевичу было присвоено звание «Заслуженный артист Российской Федерации», а в 2006 году — почётное звание «Народный артист Российской Федерации». Эти регалии, как и профессорское звание, стали внешним подтверждением того авторитета, который он уже имел в музыкальной среде — авторитета мастера и нравственного ориентира. Память о нём бережно хранят в Саратовской консерватории и в детской музыкальной школе при консерватории, где ему посвящены страницы, альбомы, книги воспоминаний учеников и коллег.

Лев Исаевич Шугом ушёл из жизни 28 апреля 2017 года, но его присутствие продолжает ощущаться в наших судьбах, в традициях саратовской фортепианной школы, в звучании тех произведений, которые он любил и много раз исполнял. Сегодня его имя связано с определённым типом художественного и человеческого поведения — внутренней честью, честностью, достоинством, уважением к тексту и человеку, высоким пониманием человека-музыканта.

Был такой человек-камертон, человек-галактика, Лев Исаевич Шугом, чья судьба стала важной частью истории отечественного музыкального образования и исполнительства... был и есть в нас, в хранителях и продолжателях традиций.

Юлия Кохова

*Преподаватель Детской школы искусств
имени С.Т. Рихтера, г. Москва*

ТРИ СЛОВА ОБ УЧИТЕЛЕ

То, чему нас учил Лев Исаевич, мне очень помогает. Выдержка и дисциплина имеют в нашей профессии большое значение. Переехав в Германию и попав в востребованный концертирующий коллектив «Salut Salon» (инструментальный квартет в составе фортепиано, двух скрипок и виолончели), я по достоинству оценила «школу жизни», которую прошла в классе Льва Исаевича. На первых же гастролях с квартетом мне пришлось столкнуться с жёсткой немецкой дисциплиной. Репетиция на сцене через 9 минут, опаздывать нельзя, обед для артистов накрыт в 15 часов, сначала суп и салат, потом горячее за час до концерта, время для разыгрывания ограничено, огромный зал, новый рояль, все рассчитано по минутам. И вот после первого «боевого крещения» и удачного концерта, мои коллеги-немки, поздравляя меня, сказали, что они не ожидали, что музыкант из России будет таким дисциплинированным и выдержанным в столь сложных «полевых» условиях. Конечно, стереотипы, сложившихся в представлении многих иностранцев о русских людях, везде одинаковы. И мне было очень приятно один из существующих штампов развеять.

В тот вечер я долго рассказывала моим коллегам о Льве Исаевиче. О том, как он готовил нас к жизни, к тому, чтобы мы могли выучивать программы в короткие сроки, набирать репертуар, быть пунктуальными, сдержанными, ответственными, как воспитывал в нас умение собираться в нужный момент, даже если устал, голоден или болен, то есть оставаться профессионалом всегда, в любых условиях. Эти качества, которые мне удалось приобрести в классе у Льва Исаевича, как нельзя лучше подошли к той стране, где я сейчас живу, и к той рабочей обстановке, с которой приходится постоянно сталкиваться на гастролях, выступая с известным коллективом в больших концертных залах множества городов и стран.

Вспоминаются установки Льва Исаевича о том, что ты всегда должен быть готов, у тебя всегда должен быть репертуар в руках, потому что если фортуна постучится в дверь, а тебе нечего сыграть, то она пойдет к другому исполнителю. Всё, что мной было выучено за годы обучения в консерватории, составляет мой основной сольный и камерный репертуар. За последние годы, во многих сложных ситуациях, когда опаздывали самолеты, ломались машины, терялись чемоданы с концертным платьем и туфлями, была пропущена пересадка на самолет, не было возможности разыграться, рояль был не настроен, я всегда вспоминала Льва Исаевича, и наконец по достоинству смогла оценить то, что он в нас вкладывал. Поверьте, те, кому не доводилось играть каждый вечер двухчасовую программу в течение двух недель, никогда и не поверят, что методы Льва Исаевича были направлены именно на это. Он хотел, чтобы мы были востребованными музыкантами, концертирующими пианистами! Чтобы мы смогли зарабатывать деньги своим

собственным умом, так сказать, и относиться к выступлению на сцене, как к настоящей работе, которая ничем не хуже, чем профессия адвоката или инженера. Я горжусь, что я эти «заветы» могу претворить в жизнь. А тем, кто осмелится сказать, что это «муштра», я советую попробовать поехать в тур с концертами, переезжая каждый день в новый город и даже в другую страну, и при этом каждый вечер выходить на большую сцену, максимально собираться и дарить музыку публике, забывая о себе и обо всем другом. Как и поступал сам Лев Исаевич, всегда проявляя волю, характер и настоящие бойцовские качества, в особенности, на своем последнем концерте...

Моя любимая бабушка была филологом, и ей всегда было важно найти подходящее прилагательное или существительное, которые точно отражали бы явление или действие, давали бы более полную характеристику определённому событию или человеку. Однажды мы шли с ней на дачу по длинной дороге, засаженной различными деревьями, она попросила меня назвать три прилагательных для описания этой живописной аллеи. И я, как и сейчас помню (хотя мне было всего около пяти лет), подобрала и назвала: «изумрудная», «шелестящая», «воздушная». И тот день остался в моей памяти навсегда, только лишь благодаря трем словам-ассоциациям. И то солнце, и свет в отражении листвы, и бабушка, идущая рядом, ее теплая рука, и шум деревьев, и свежий воздух, и радость от того, что скоро придём на дачу. Намного позже, когда я выросла и уехала учиться в Саратов, бабушка попросила меня описать профессора, у которого я занимаюсь, назвать те самые три слова. «Воля», «Принцип», «Юмор» — вот слова, которые помогут сохранить в моём сердце образ Льва Исаевича на долгие годы.

Ольга Шкрыгунова

*солистка квартета «Salut Salon»,
концертмейстер Высшей школы музыки
г. Берлин (Германия)*

выпуск 2008 года

*Из книги «Лев Шугом в воспоминаниях
учеников». Сборник статей, Саратов 2019 г.*

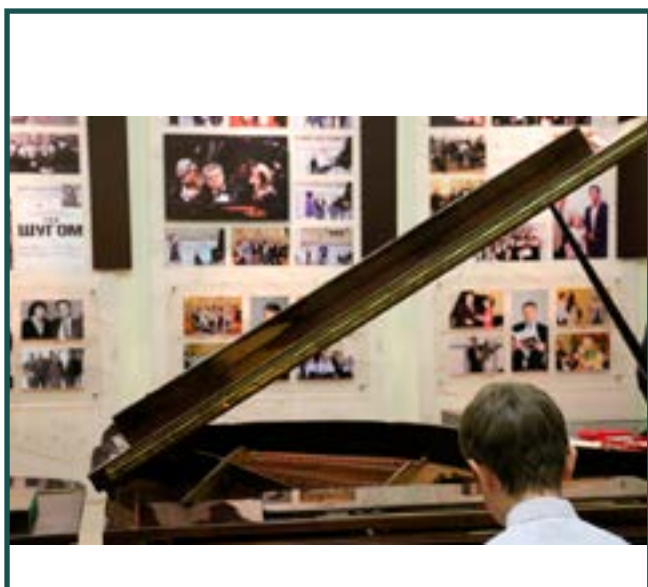


С. О. Шкрыгуновой и Ю. Бабкиной

СТУДЕНТЫ КЛАССА Л.И. ШУГОМА С 1970 ПО 2017 ГОДЫ

1. 1970 Берзиня Елена
2. 1970 Попова Ольга
3. 1972 Гаврилина Елена
4. 1973 Румянцев Олег
5. 1973 Косенко Наталья
6. 1973 Карнаухова Владиана
7. 1973 Лопук Марина
8. 1973 Шабарчина Наталья
9. 1974 Сябренько (Зикрач) Людмила
10. 1974 Тимофеева О.
11. 1975 Ефремычева Нина
12. 1975 Савельева Людмила
13. 1976 Черкасская Наталья
14. 1976 Пряхина Елизавета
15. 1977 Акимова Людмила
16. 1977 Перова Татьяна
17. 1978 Бендицкая-Рыкель Анна
18. 1978 Дубровская Диана
19. 1978 Болтенко Наталья
20. 1978 Самсонова (Трубенкова) Людмила
21. 1979 Попова Александра
22. 1979 Ардатова Светлана
23. 1979 Янкулина-Брускова Алла
24. 1980 Мишенёв Евгений
25. 1980 Кузнецова Ольга
26. 1981 Харитонова Светлана
27. 1981 Федорченко Татьяна
28. 1981 Щербак Людмила
29. 1982 Тритуз Марк
30. 1982 Федорова (Елисеева) Алла
31. 1983 Шустова Марина
32. 1983 Харькова (Долгушина) Марионелла
33. 1984 Тимофеева Маргарита
34. 1985 Аронс Элина
35. 1985 Закштейн Роман
36. 1985 Новопавловская (Черкасова) Марианна
37. 1985 Островская Светлана
38. 1986 Антропова Вера
39. 1986 Горбатова Елена
40. 1986 Исаева Валентина
41. 1987 Дмитриюкова Лариса
42. 1987 Колесниченко Юлия
43. 1988 Рубенчик Светлана
44. 1989 Трушина (Бочкарёва) Лариса
45. 1989 Соснин Андрей
46. 1989 Климова Марина
47. 1990 Кузнецова (Скрябина, Майер) Светлана
48. 1990 Настулис (Хохонова) Марина
49. 1990 Геворкян Гоар
50. 1992 Харитонова (Крюкова) Ирина
51. 1993 Огнещикова (Лобанова) Арина
52. 1994 Сурцуков Олег
53. 1995 Михерская Яна
54. 1997 Брацило (Русина) Лариса
55. 1997 Дубровская Наталья
56. 1997 Соломатина Оксана
57. 1998 Налбандьян Маргарита
58. 1998 Пылькина Юлия
59. 1998 Фетисова Екатерина
60. 1999 Кошман Татьяна
61. 1999 Мельниченко Вера
62. 2002 Машталова Елена
63. 2002 Тимошкова (Козлова) Наталья
64. 2003 Долженко Алла
65. 2003 Ишенгалиева Марина
66. 2004 Бабкина (Литвиненко) Юлия
67. 2004 Грачёва (Хабарова) Мария
68. 2004 Ковалик Наталья
69. 2007 Саночкина (Киреева) Наталья
70. 2008 Богрова Екатерина
71. 2008 Мусиенко (Цырдя) Анна
72. 2008 Шкрыгунова Ольга
73. 2009 Кохова Юлия
74. 2009 Лигостаева Елена
75. 2011 Донник Ольга
76. 2012 Иванова Ольга
77. 2012 Павлова Анна
78. 2013 Гордиенко Марина
79. 2015 Садритдинова Мария
80. 2017 Конгурова (Сарсенова) Динара
81. 2013 – 2017 Моисеева Любовь
82. 2014 – 2017 Швецова Анна
83. 2015 – 2017 Горохова Дарья
84. 2015 – 2017 Арустамов Роман
85. 2016 – 2017 Мищерина Евгения

*Школе 2 года**Школе 3 года**С первыми учащимися школы**С преподавателями школы*

*Концерт к 70-летию Л.И. Шугома**Открытие музея Л.В. Шугома**Присвоение школы имени Л.В. Шугома**Класс-музей Л.В. Шугома*

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ:

Ответственный редактор — В.С. Бескоровайная
Выпускающий редактор — Я.С. Отекина
Редактор-составитель — Т.Л. Зимина,
профессор кафедры фортепиано Саратовской государственной
консерватории имени Л.В. Собинова.
Дизайн и вёрстка — И.В. Дрозденко

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

410012 Саратов пр-т имени Петра Столыпина, 1.
E-mail: kamerton.sgk@yandex.ru
Подписано в печать 28.02.2026.
Бумага Херох Тираж 50 экз.
При перепечатке материалов ссылки
на «Камертон» обязательны